

К. З. Тихоновичъ.)

Н. К. С.

891.19

м. ч. б. р.

Рай и Адъ

въ поэзіи
Т. Г. ШЕВЧЕНКА

(чувство природы и основные
мотивы его творчества).

І мене в семьї великій,
В семьї вольній новій,
Не забудьте помянути
Не злим тихим словом!

(Заповіт)

Рефератъ, прочитанный на тор-
жественномъ засѣданіи „Кружка для
изученія вопросовъ художествен-
наго творчества“ при Варшавскомъ
Университетѣ, въ пятидесятилѣтіе
со дня смерти Т. Г. Шевченка.

Изданіе „Української Громади у Варшаві“.

1912.

Приймається передплата на р. 1912

на українській місячній літературі, науки і громадського життя

Літературно-Науковий Вістник,

що виходитиме далі нинішними по 12—15 арк. з тою-ж програмою і тими-ж співробітниками.

Міститиме белетристику оригінальну і переклади—новісти, оповідання, драми, поезії, статті з української історії, літератури, суспільної економії й інших областей знання; огляди літератури, науки й суспільно-політичного життя; критику й бібліографію.

Редація і головна конт.: Київ, В. Володимирська 28. Контора львівська: ул. Супинського, ч. 17.

(Lemberg, Supinski-str. 17, Anzeiger für Literatur und Wissenschaft).

Передплата для Росії: на рік 8 руб., за пів року 4 р. 50 коп.

З огляду на тяжкі матеріальні обставини нинішнього українського життя передплата на Літер.-Наук. Вістник в 1912 р. для незаможних учнів, студентів, сільських учителів і учительок, нижчих служакших, робітників і селян знижена на 6 рублів (коли вони передплачують журнал просто в контори).

Кому трудно відразу, нехай присилає на перше число кожного місяця по 1 руб., поки збереться повна передплата, а журнал посилатиметься зараз.

Книгарня і всяким посередникам від передплати 5 процент, коли вона повна (8 руб.) і виплачується всь відразу. Комплекти журналу за попередні роки продаються по 8 р.

ПРИЙМАЄТЬСЯ ПЕРЕДПЛАТА НА 1912 РІК

на українську газету

РІК **„РАДА“** **РІК**
видання сьомий. **„РАДА“** видання сьомий.

Газета політична, економічна і літературна.

Виходить у Києві що-дня окріч понеділків і днів після великих свят.

„Рада“ має широкую програму, як звичайні великі політичні газети: дає огляди життя політичного, громадського, економічного на Україні, в Росії і за-границею; друкує фельетони, а також статті критичні і твори красивого письменства.

ДО СПІВРОБІТНИЦТВА в „РАДІ“ запрошено визначніші літературні і наукові сили.

„Рада“ має ВЛАСНИХ кореспондентів в Державній Думі, в Державній Раді, а також в політичних центрах Європи, в Лондоні, в Парижі, в Римі, у Відні, в Празі, у Львові, в Чернівцях і в усіх визначніших містах України по цей і по той бік кордону.

Ціна „РАДИ“ з приставкою і пересилкою в Росії:

на рік 6, на 6 м. 3.25, на 3 м. 1.75, на 1 м. 65.

Передплату на рік можна виплачувати частками в такі строки: на 1 янв. 3 карб. і на 1 апр. 3 карб. в 3 строки; на 1 янв. 2 карб., на 1 марта 2 карб. і на 1 мая 2 карб., або по 1 карб. що місяця впродовж першого півріччя.

ЗМІНА АДРЕСИ—30 коп., АРТИСТАМ—БЕЗПЛАТНО.

Адреса редакції і головної контори: у Києві, Велика-Підвальна вул, д. 6, біля Золотих Воріт. Телефон 1458.

Редактор **В. Яновський.**

Видавець **Є. Чикаленко**

К. З. Тихоновичъ.

891.79

M. 46. P. 1. 2

8(с)

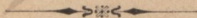
Т46А

Рай и Адъ

въ поэзиі Т. Г. ШЕВЧЕНКА

(Чувство природы и основные мотивы его творчества).

Рефератъ, прочитанный на торжественномъ засѣданіи „Кружка для изученія вопросовъ художественнаго творчества“ при Варшавскомъ Университетѣ, въ пятидесятилѣтіе со дня смерти Т. Г. Шевченка.

І мене в семьї великій,
В семьї вольній новій,
Не забудьте памянути
Не злим тихим словом!

(Заповіт).

ТИПОГРАФІА
ФР. БОГУЦКАГО
ІЕРУСАЛИМСКАЯ АЛ. № 33.
ТЕЛЕФОНЪ 180-27.

756 774 Б

✓ Державна історична
бібліотека у Києві

10

Рай и Адъ

въ поэзиі Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Часть первая.

РАЙ.

(Чувство природы въ поэзиі Т. Шевченка).

I.

Ходімо-ж, доленько моя,
Мій друже вбогий, нелукавий!
Ходімо дальше! Дальше слава,
А слава — заповідь моя.

Въ своихъ произведеніяхъ *Ө. М. Достоевскій* неоднократно затрагиваетъ чрезвычайно интересную мысль о пророческомъ характерѣ словъ умирающаго человѣка. Предсмертная агонія—разсуждаетъ великій писатель—въ корнѣхъ измѣняетъ природную организацію человѣка; трескаются, раздвигаются стѣны темницы духа, и въ послѣднія мгновенія, когда вотъ-вотъ онѣ рухнутъ, безсмертное, неумирающее и въ умирающемъ прозрѣваетъ грядущее теченіе событій и, какъ на ладони, созерцаетъ все прошлое. Прозрѣніе въ невѣдомое—это великій даръ, посылаемый человѣку на нѣсколько мгновеній; и какъ дорого приходится платить за этотъ даръ: вѣдь, за нимъ идетъ смерть. Въ 1825 году, когда Т. Гр. Шевченко было всего одиннадцать лѣтъ умиралъ его отецъ, и въ послѣднія минуты, дѣлая

распоряженія относительно своего убогаго хозяйства, ска-
заль: „Синові моему Тарасу нічого не треба з мого хо-
зяйства; він не буде аби-яким чоловіком, з него вийде або
щось дуже добре, або велике ледащо; для його моє на-
слідство або нічого не буде значить, або нічого не допоможе“.
„Він“, т. е. будущій великій поетъ, „не буде аби-яким чо-
ловіком“,—вотъ предсмертное прозрѣніе простаго крестьянина,
которому, за постоянной тяжелой работой на панщинѣ, не-
когда было хорошенько и приглядѣться къ своимъ дѣтямъ.
Нѣтъ тьмы, которой не прорветъ загорающаяся въ бездон-
номъ небѣ звѣздочка: трепетное сіяніе посланнаго на землю
генія чувствуетъ и простой, неграмотный человѣкъ, и въ
предсмертной агоніи онъ созерцаетъ его будущее величіе.
Смутно и неясно это прозрѣніе. Почти безплотному его
взору гдѣ-то, въ туманной дали, рисуются неясныя, зато
гигантскія очертанія будущаго величія сына, и не въ силахъ
онъ опредѣлить, куда, въ какую сторону—добра или зла—
направится это величіе. Мы, дѣти хотя и недалекаго еще
этого „грядущаго“, — свидѣтели осуществленія предемерт-
наго прозрѣнія умирающаго отца: его сынъ Тарасъ явилъ
себя міру „не аби яким чоловіком“: онъ явилъ себя вели-
кимъ поэтомъ Украины и всего славянства, проповѣдни-
комъ любви и правды страждущему человѣчеству.

II.

Я не одинокий, є з ким в світі жити!
У мойй хатині, як в степу безкраім,
Козацтво гуляє, байрак гомонить;
У мойй хатині, синє море грає,
Могила сумує, тополя шумить,
Тихесенько „Гриця“ дівчина співає —
Я не одинокий, є з ким вік дожити!

Каждый изъ насъ по собственному опыту знаетъ, какъ
труденъ путь достиженія, осуществленія самыхъ элемен-
тарныхъ нашихъ потребностей и запросовъ. А много ли
мы отъ себя требуемъ: часто довольствуемся крупницей
счастья и рады осуществленію его при благоприятныхъ
обстоятельствахъ. Но вообразите только себѣ жизненный
путь нынѣ чествуемаго поэта, только представьте себѣ, ка-
кая гигантская пропасть между крѣпостнымъ мальчишкой—

пастухомъ и безсмертнымъ поэтомъ. Сколько жизненныхъ ступенекъ въ этой колоссальной лѣстницѣ, одинъ конецъ которой упирается въ глиняный полъ крестьянской избы, а другой касается небеснаго жилища безсмертныхъ. Безъ руководства, безъ поддержки, въ оборванной нищенской „свитинѣ“, опираясь на пастушескую палку и данный Богомъ талантъ, падая и изнемогая, подымался онъ все выше и выше, пока не достигъ предназначеннаго ему судьбой безсмертія. Притомъ, не забывайте, господа, что на своемъ крестномъ пути поэтъ не только абсолютно одинокъ, что нѣтъ у него ни предшественниковъ, ни ближайшихъ сотрудниковъ: поэтъ лишенъ былъ простаго вниманія и сочувствія — этого воздуха, которымъ живетъ и дышетъ всякое вдохновеніе:

Мені, було, ажъ серце мліло —
 Мій Боже милий! якъ хотілось,
 Щобъ хто-небудь мені сказавъ
 Хочъ слово мудре, щобъ я знавъ,
 Для кого я пишу, для чого,
 За що Україну я люблю,
 Чи вартъ вона огня святого.
 Не похвали собі, громадо, —
 Безъ неї може обійдусь —
 А ради жду собі, поради;
 Та, мабуть, в яму перейду
 Із москалів, а не діждусь.

Это не слова, а крикъ истосковавашагося въ одиночествѣ сердца поэта.

— Представьте себѣ народъ, — говоритъ Бѣлинскій — у котораго еще нѣтъ ни идеи творчества, ни слова для выраженія этой идеи, а есть уже само творчество: кто открылъ ему эту тайну, кто навелъ его на эту мысль. Одна природа и больше никто. Самое просвѣщеніе въ данномъ случаѣ дѣло совершенно постороннее, ибо оно только сообщаетъ поэзии другой характеръ. И это очень естественно: чѣмъ бессознательнѣе творчество, тѣмъ оно глубже истиннѣе. Поэтъ, который творилъ, не сознавая своего дѣйствія, не понимая, что онъ дѣлаетъ—онъ болѣе опять, нежели тотъ, который чувствуя вдохновеніе гово-

рить; «Хочу писать». Этими словами великій критикъ характеризуетъ творца народныхъ пѣсенъ — самый народъ. Но вѣдь эту цитату въ полномъ объемѣ можно примѣнить къ поэзіи Шевченка. Истинное вдохновеніе и творческій даръ приходитъ къ поэту извнѣ; нельзя приобрѣсти, ни научиться ему. Тотъ тайный голосъ демона нашенгиваль Сократу его безсмертную проповѣдь добра; тотъ тайный голосъ звучалъ и въ ушахъ одиннадцатилѣтняго Тараса, гналь его съ тетрадкой стиховъ украинскаго поэта и философа Сковороды подъ влажныя своды мрачной, никѣмъ не посѣщаемой пещеры, подъ густую тѣнь калины въ чужомъ саду, и тамъ, въ уединеніи, переживать сладостныя минуты пробуждающагося вдохновенія:

Давно те діялось! Ще в школі,
Таки в учителя дяка,
Гарненько вкраду пятака
(Бо я було трохи не голе,
Таке убоге), та й куплю
Паперу аркуш, і зроблю
Маленьку книжечку; хрестами
І везерунками з квітками
Кругом листочки обведу,
Та й списую „Сковороду“,
Або „Три царіє со дари“;
Та сам собі у бурьяні,
Щоб не почув хто, не побачив,
Виспівую собі було та плачу...

Такъ описываетъ поэтъ далекую пору своего дѣтства. Безпредѣльна власть вдохновенія надъ душой избранника; разъ блеснувъ, искра поэтическаго огня не можетъ потухнуть, какъ ни тягостны внѣшнія условія жизни поэта... Пастухъ, поповскій „погонич“, панскій лакей, неудачный крѣпостной поваренокъ, крѣпостной маляръ — вотъ куда ушли молодые годы великаго поэта. Правда, интересная подготовительная школа для геніевъ! Архангельскій рыбакъ былъ счастливѣе бѣднаго Тараса. Поистинѣ, „онъ творилъ, не сознавая своего дѣйствія, не понимая что онъ дѣлаетъ, какъ творить народъ свое созданіе—пѣсню!“ И вдругъ неожиданно-негаданно въ 1838 году на 24 году своей жизни

Шевченко выпускаетъ въ свѣтъ одно изъ лучшихъ своихъ произведеній, великолѣпную балладу „Причинна“, а черезъ годъ, навѣрное, всѣмъ извѣстную вамъ поэму „Катерина“. Въ русской литературѣ я не знаю примѣра, чтобы первые опыты даже великаго поэта оказались перлами его художественнаго творчества. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что появленію этихъ произведеній въ украинской литературѣ, если не считать эпической поэмы Котляревскаго, ничто болѣе или менѣе значительное не предшествовало. Если великій Пушкинъ получилъ благословеніе на поэтическое поприще старика Державина, если онъ находился подъ чарующимъ воздѣйствіемъ „плѣнительной сладости“ стиха Жуковскаго, то Шевченко стоялъ и теперь еще стоитъ широколиственнымъ, могучимъ дубомъ на вскормившей его почвѣ родной Украины. Изъ дневника поэта, а также по свидѣтельству его современника Кулиша, — Пушкина и Лермонтова онъ зналъ наизусть, называлъ послѣдняго великимъ поэтомъ и его стихъ очаровательнымъ, Шекспира возилъ съ собой, куда-бы ни ѣхалъ. Припоминаются мнѣ по этому поводу слова Бѣлинскаго: „Не всякій рожденъ со способностью понимать художественное произведеніе: для этого необходимъ особый талантъ“. Какъ поэтъ, Шевченко въ прензбыткѣ обладалъ способностью проникаться художественнымъ твореніемъ, безъ посторонней указки онъ постигаетъ тайну чужого творчества, проникается не только содержаніемъ мысли и чувства этого творенія, но и его формой. Для многихъ, быть можетъ, покажется страннымъ слышать страстныя изліянія о поэтѣ, о художественномъ творествѣ изъ устъ недавняго панскаго лакея и маляра. Какъ высоко онъ цѣнитъ, какъ горяче любить отъ Бога посылаемый поэтический даръ! сколько нѣжности, чисто крестьянской преданности, глубокой задушевности хотя-бы въ слѣдующемъ обращеніи поэта къ богинѣ поэзіи — музѣ:

А ти, пречистая, святая,
Тя, сестро Феба молодая,
Мене ти в педену взяла
І геть у поле однесла;
І на могилі серед поля,

Як твою волю на роздолі,
Туманом сивим сповила,
І колихала, і співала,
І чарп діяла.. і я..
О, чарівниченько моя!

Мені ти всюди помогала,	З своєю божою красою
Мене ти всюди доглядала;	Гориш ти, зоренько моя.
В степу, безлюдному степу,	Моя порадонько святая,
В далекій неволі,	Моя ти доле молодая.
Ти сіяла, пишалася,	Не покидай мене! Вночі
Як квіточка в полі.	І вдень, і ввечері, і рано
Із казарми нечистої	Вітай зо мною, і учи,
Чистою, святою	Учи неложними устами
Пташечкою вилетіла	Сказати правду! Поможи
І по-надо мною	Молитву діяти до краю;
Полинула, заспівала,	А як умру, моя святая,
Ти, золотокрила, —	Моя ти мамо, положи
Мов живущою водою	Свого ти сина в домовину,
Душу окропила!	І хоч єдиную сльозину
І я живу, і надо мною	В очах безсмертних покажи!

Поетъ точно забувъ, що передъ его творческимъ взоромъ витаєть не „молодая сестра Феба“ а Пречистая Дѣва Марія. Удивительно совпадаєть этотъ гимнъ богинѣ вдохновенія съ хвалебною пѣснею поета въ честь Богоматери въ поэмѣ „Марія“.

Отъ чудеснаго прикосновенія сестры Феба душа поета оживаєть; ізъ невѣдомаго тайнаго источника випльвають въ сознаніи поета творческія идеи — „думи“, по мѣткому вираженію поета. Какъ зачавшая женщина не можетъ не подчинитися природнымъ законамъ дѣторожденія, такъ и поетъ, зачавъ отъ богини поезіи, рождаєть своихъ дѣтей, возсоздаєть творческія идеи отъ возможности къ дѣйствительности. Изъ неясныхъ силуетовъ художественныхъ образозвъ вдохновеніе поета творить плоть и кровь возникшей въ немъ идеи и реально воплощаєть ее въ художественныхъ образахъ. Для Шевченка созданіе его фантазії не „сладкій вымыселъ“ не пустая, праздна мечта, но его кровныя, родныя дѣти, и творить, не взирая ни на какія угрозы,— это органическая потребность его поэтической натуры, которой онъ не можетъ отказать въ удовлетвореніи, какъ своему тѣлу—въ питъѣ и пицѣ:

Я байдуже: книжечки	Дурную голову свою
Мережаю, та начиняю,	Та кайдани собі кую,
Таки віршами розважаю	Як оці добродії дознають.

И въ заключеніе поэтъ съ необычайной рѣшительностью восклицаетъ:

Та вже ж нехай хоч розіпнуть,
А я без віршів не улежу!
Уже два года промерезив
І третій в добрий час начну.

Рожденныя вдохновеніемъ поэта „діти-думи“ составляютъ его тѣсную, видимую только его вдохновенному взору семью. Въ пустынной холостяцкой хатѣ, въ камерѣ петербургской тюрьмы поэтъ не одинъ: тѣснымъ кругомъ обступили его многочисленныя „діти“.

З-за Дніпра мов далекого	Любо мені з ними,
Слова прилітають	Мов батькові багатому
І стеляться на папері	З дітками малими.
Плачучи, сміючись,	І радий я і веселий
Мов ті діти, і радують	І Бога благаю,
Одинокую душу,	Щоб не приснав моїх діток
Убогую. Любо мені,	В далекому краю.

Но, вѣдь, „въ семьѣ не безъ урода“, и особенно въ такой многочисленной семьѣ, какова семья поэта. Какъ и добрыя, уродливыя „діти-думи“ являются законными дѣтьми творческаго порыва; поэтъ и радъ бы избавитися отъ нихъ, не дать имъ воплотитися въ живыхъ, мучительно живыхъ образахъ, но неволенъ онъ надъ своимъ вдохновеніемъ. Стонетъ подъ тяжестью мрачныхъ „думъ“ душа поэта, по все-таки онъ воплощаетъ ихъ, да и не можетъ не возсоздавать ихъ:

Думи мої, думи мої,	Чом вас вітер не розвіяв
Лихо мені з вами!	В степу. як пилину?
Нащо стали на папері	Чом вас лихо не приспало,
Сумними рядами?	Як свою дитину?

Бо вас лихо на сміх породило,
Поливали сльози... Чом не затопили,
Не винесли в море, не розмили въ полі?
Квіти мої, діти!

И въ другомъ мѣстѣ:

Помолившись, я б заснув,	Рвуться душу запалити,
Так думи прокляті	Сердце розірвати.

Только истинный отецъ, проклиная, все-таки любить свою плоть, сво кровь: проклиная тягостныя, мрачныя созданія своей творческой фантазіи, поэтъ любить ихъ, какъ часть своей души, какъ дѣтей рождающаго ихъ вдохновенія. Тяжело, мучительно больно поэту видѣть художественное воплощеніе своего страданія и заставлять страдать другихъ, но онъ не можетъ не любить ихъ; и, не различая добрыхъ и злыхъ, одинаково нѣжно, одинаково любовно зоветь ихъ къ себѣ въ хату въ слѣдующихъ удивительныхъ по своему лиризму стихахъ:

Думи мої, думи мої!
Ви мої єдині!
Не кидайте хоч ви мене
При лихій годині!
Прилітайте, сизокрили
Мої голубята,
Із-за Дніпра широкого
У степ погуляти

З Киргизами убогими
Вони вже убогі,
Уже голі, та на волі
Ще моляться Богу.
Прилітайте ж, мої любі!
Тихими речами
Привітаю вас, як діток,
І заплачу з вами.

Вы видите, господа, что поэтъ не отрещивается отъ своихъ уродливыхъ дѣтокъ, но манитъ, зоветь ихъ къ себѣ. Разъ почувствовавъ сладость вдохновенія, поэтъ съ трепетомъ жаждетъ его новаго прихода; онъ знаетъ, что съ вдохновеніемъ придетъ прозрѣніе, оживетъ душа, воскреснетъ къ новой жизни, будто ее вспрыснетъ кто-нибудь ска-
зочной „живучою водою“.

Ледве-ледве о півночі
Серцем прозираю
І немощну мою думу
За світ посилаю —
Сцілющої й живущої
Води пошукати.

Як інколи, то й принесе
І покропить в хаті,
І засвітить огонь чистий,
І сумно і тихо
Розскажує про весілля,
Звертає на лихо.

Очищенный, преображенный вдохновеніемъ поэтъ бѣжитъ отъ толпы, онъ ищетъ одиночества, чтобы наединѣ, въ безбрежной степи, среди вѣковыхъ могилъ предаться сладости поэтического забвенія, броситься всѣмъ существомъ въ стремительный потокъ вдохновенія и въ упоеніи пѣть: пусть звуковъ этой пѣсни не слышитъ ни одно постороннее ухо, пусть ихъ ловить и разноситъ по полю буй-

ный вѣтеръ. Зачуявъ въ сердцѣ теплоту священнаго огня,
„Старий кобзарь“, т. е. самъ поэтъ, заховався

Въ степу на могилі, щоб ніхто не бачив,
Щоб вітер по полю слова розмахав,
Щоб люди не чули,—бо то Боже слово,
То серце по волі з Богомъ розмовля,
То серце щечече Господнюю славу,
А думка край світа на хмарі гуля.
Орлом сизокрилим літає, ширяє
Аж небо блакитне широкими б'є,
Спочине на сонці, його запитає:
Де воно ночує? як воно встає?
Послухає моря, що воно говорить;
Спита чорну гору: чого ти німа?

Вдохновеніе открываєть поэту-кобзарю сокровеннѣйшія тайны неба и земли. Великъ поэтъ въ своемъ знаніи бытія, но и одинокъ среди толпы, среди „Людей“. Земля уже не вмѣщаетъ прозрѣвшей души поэта:

Бо на їй, широкій, куточка нема
Тому, хто все знає, тому, хто все чує:
Що море говорить, де сонце почує;
Його на сім світі ніхто не прийма!

„Світ“ — „Люди“ не только не примуть вдохновенной проповѣди поэта, но —

На Божее слово вони б насміялись,
Дурним би назвали, од себе б прогнали:
„Нехай по-над морем, сказали б, гуля!“

Передъ вами знакомая картина отрощенія къ вдохновенному поэту-пророку не посвященной черни, такъ наглядно описанная великимъ Пушкинымъ. Шевченко не просто вторяєть чужіе образы, перепѣваєть чужіе мотивы,—нѣтъ, самъ онъ на себѣ больше, чѣмъ Пушкинъ, почувствовалъ тяжесть поэтического призванія. Вѣдь, Пушкину нигдѣ не приходилось проклинать созданій своей музы. Шевченко не просто поэтъ: онъ—поэтъ-пророкъ по преимуществу, въ широкомъ библейскомъ смыслѣ атого слова. Поэтическое призваніе для Шевченка вмѣстѣ съ тѣмъ и пророческое;

для него поэтъ—это „апостол правди і науки“, пришествія его въ міръ онъ ждеть, какъ второго Мессію, Спасителя міра:

Де-ж ти,
Великомучениче святій,
Пророче божій. Ти між нами, —
Ти, прісносуцій, всюди з нами
Витаєш ангелом святим;
Ти, любий друже, заговориш
Тихенько-тихо про любов,
Про безталанную, про горе,
Або про Бога, та про море,
Або про марне литу кров
З людей великими катами;
Заплачеш тяжко передъ нами —
І ми заплачемо... Жива
Душа поетова святая,
Жива в святых своїх річах;
І ми, читая, оживаєм
І чуєм Бога в небесах.

Какъ встрѣтитъ толпа благовѣстіе пророка-поэта, мы предугадуемъ напередъ: порукой нашей увѣренности—судьба ветхозавѣтныхъ поетовъ-пророковъ, полная трагизма смерть Сократа, наконецъ, Распятіе и другіе страдальцы за правду. Въ объясненіе этихъ печальныхъ фактовъ удивительно совпадаетъ свидѣтельство бібліи, великихъ русскихъ поетовъ — Пушкина и Лермонтова — и, наконецъ, поэтическое признаніе Шевченка. Вы знаете, какъ огорчила Самуила просьба евреевъ поставить надъ ними царя. Пророкъ Божій прозрѣвалъ истинную причину отказа народа отъ духовнаго водительства пророками. Паденіе нравовъ, испорченность души, потерявшей дѣтскую чуткость и отзывчивость къ добру, — толкнуло и народъ къ ви́шнему водительству представителей силы—Царями. У Шевченка этотъ фактъ запечатлѣнъ въ такую высоко-художественную, чисто біблейскую форму:

Неначе праведних дѣтей,
Господь, любя своїхъ людей,
Послав на землю їм пророка —

Свою любов благовіститъ,
Святому розуму учить.
Неначе наш Дніпро широкий,
Слова його лились, текли,
І в серце падали глибоко,
Невидимим огнем пекли
Холодні душі. Полюбили
Пророка люди, і молились
За ним, і сльози знай лили.
А потім... люди, род лукавий,
Господнюю святую славу
Ростлили... і чужим богам
Пожерли жертви, омерзались,
І мужа свята — горе вам! —
На стогнах каменем побили,
І заходилися гулять,
Святою кровью шинкувать.
І праведно Господь великий,
Мов на звірей тих лютих, дикіх,
Кайдани повелів кувать,
Глибокі тюрми муровать,
— Роде лживий і жестокий! —
Вомісто кроткого пророка...
Царя вам повелів избрать.

Итакъ, поэтъ—пророкъ. Неотразимой силою своихъ художественныхъ произведеній онъ прокладываетъ путь къ прогрессу, самъ идетъ впереди, живою примѣръ и надежда толпы его послѣдователей. Чтобы успѣшно вести другихъ, самому вождю нужно знать предстоящую цѣль, детали пути и владѣть вполнѣ оружіемъ для борьбы съ препятствіями на этомъ пути. Поэтъ-пророкъ, повинувшись тайному призыву вдохновенія, погружается въ бездну свего великаго духа и выноспть оттуда живые образы добра, истинны и красоты.

III.

Каждый изъ насъ находится во взаимныхъ отноше-
ніяхъ съ внѣшнимъ міромъ. Душа наша полна разнообраз-
ныхъ впечатлѣній; тысячи представленій о вещахъ всплы-

ваютъ на поверхности нашего сознанія и вступаютъ межъ собой въ произвольныя комбинаціи. Въ результатѣ чело-вѣкъ, лишенный поэтическаго дарованія, представляетъ, творчески воспроизводитъ опредѣленный кругъ представлений о предметѣ, что составляетъ лишь незначительную часть всей полноты представлений о данномъ предметѣ или явленіи. Лишенное природнаго таланта воображеніе бессильно творчески, конкретно воспроизвести даже опредѣленную часть міра, напримѣръ, деревню или городъ, гдѣ мы родились и провели первые годы своей жизни. Душевная работа и въ частности способность воспроизведенія представлений совершается въ рамкахъ сознанія, границы котораго крайне тѣсны. Въ данный моментъ, сознаніе можетъ держать лишь одно представленіе или органически сливающую комбинацію ихъ. Одновременность нашего сознанія препятствуетъ заурядному чело-вѣку созерцать міръ природы и духа *in concreto*. Мы вынуждены довольствоваться малымъ—созерцаніемъ незначительной части представлений и ихъ группъ, вынуждены постоянно пристегивать себя къ вѣшнему и тосковать о великомъ, мы обречены на вѣчное исканіе опоры вѣ себя, не находя ее въ самихъ себѣ. Вотъ почему мы такъ невольны въ своемъ міросозерцаніи, вотъ почему въ природѣ для насъ много необходимаго, холоднаго, часто уродливаго и такъ мало теплаго, живого, свободнаго и прекраснаго. Сущность вдохновенія въ томъ ближайшемъ образѣ и заключается, что охваченный вдохновеніемъ поэтъ-художникъ разбиваетъ грани сознанія, переступаетъ узкую грань обычнаго поля сознанія. Ширятся, раздвигаются рамки сознанія, и, согласно съ величіемъ генія, иногда до полнаго сліянія съ природой, до сознанія природы. Здѣсь далеко не вся еще суть въ наглядности и живости представленія эстетической видимости предметовъ въ моментъ художественнаго творчества, а въ расширеніи рамокъ сознанія, въ необычайной его энергіи, которая даетъ возможность задержать, увеличить продолжительность момента сознанія съ одной стороны и дѣлать его способнымъ творчески воспроизвести предметъ созерцанія, какъ будто онъ находится здѣсь, передъ нашими глазами. Произвольно вызванныя представленія не могутъ всецѣло овладѣть душой художника, поработить ее; напро-

тивъ, силой своей творческой фантазіи онъ произвольно группируетъ ихъ. Въ душѣ поэта незыблема точка опоры, духовный центръ его идеальнаго міра, и вокругъ этого и въ отношеніи къ этому центру группируются представленія о ви́шнемъ мірѣ, природѣ, и человѣкѣ, въ порядкѣ, ясно и отчетливо созерцаемомъ поэтомъ. Для вдохновеннаго поэта ви́шній міръ даетъ лишь матеріалъ для художественныхъ образовъ; поэтъ не связанъ съ нимъ, онъ не ищетъ въ немъ точки опоры, такъ какъ эту точку, какъ творецъ своего идеальнаго міра, онъ всегда ощущаетъ въ самомъ себѣ. Послушныя творческому воображенію поэта представленія и ихъ группы располагаются согласно съ волей поэта-художника. Здѣсь царствуетъ полная свобода, и нѣтъ мѣста необходимости и зависимости. Разъ въ душѣ поэта возникла творческая идея, разъ онъ творчески представляетъ художественные образы для воплощенія идеи, то необходимыя для этой цѣли представленія и ихъ элементы разстаются со своими сосѣдями по воспріятію и вступаютъ въ новый любовный, органическій союзъ и безсознательно запечатлѣваются имъ въ живой художественной рѣчи, въ краскахъ, звукахъ или другомъ какомъ-либо осязательномъ выраженіи. Художественное, со стороны содержанія и формы, произведеніе пріоткрываетъ завѣсу въ міръ поэтическихъ грезъ, и, проникаясь творчествомъ поэта, мы пріобщаемся сладости вдохновенія, наслаждаемся льющимися въ нашу душу райскими напѣвами.

Подлинное вдохновеніе только на нѣсколько минутъ овладѣваетъ душой поэта:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботы суетнаго свѣта
Онъ малодушно погружень...

Переживъ сладостныя минуты вдохновенія, поэтъ снова всѣмъ существомъ своимъ погружается „въ заботы суетнаго вѣка“, въ сѣрую, суетную жизнь зауряднаго человѣка. Въ это время поэтъ, какъ и всякій изъ насъ, переживаетъ знакомое всѣмъ намъ душевное состояніе, когда ви́шній міръ врывается въ нашу душу; охватываетъ ее холодными объятіями необходимости. Вотъ отчего такъ драгоцѣнны

для поэта минуты вдохновения, какъ драгоценны для насъ подлинно художественныя созданія его вдохновения.

Но лишь Божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется, —
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орель.

На могучихъ крыльяхъ творческой фантазіи поэтъ спѣшитъ подняться въ идеальный міръ своего творчества, гдѣ царитъ свобода, просторъ, гдѣ воля поэта суверенна, гдѣ онъ льетъ слезы, но не горькія, соленыя слезы чело-вѣческаго горя, но слезы радости и неземнаго блаженства. Могучи крылья у орла, высоко паритъ онъ въ облакахъ, гордо рѣетъ въ волнахъ воздушнаго океана, — все-таки голодъ заставляетъ его спуститься на землю: легки и могучи крылья творческой фантазіи вдохновеннаго поэта, прекрасенъ создаваемый имъ идеальный міръ, но можетъ ли онъ забыть про землю въ своемъ волшебномъ царствѣ поэтическихъ грезъ. Не спустись на землю, орель погибнетъ въ своей заоблачной высотѣ; забывъ о землѣ, поэтъ порвалъ бы съ живымъ, неизсякаемымъ источникомъ художественнаго творчества. Вихремъ мчится орель на землю и въ своихъ крѣпкихъ когтяхъ уноситъ добычу: поэтъ въ минуты вдохновения охватываетъ всю землю своимъ просвѣтленнымъ взоромъ; въ данную минуту поэтъ тотъ, „кто все знает, кто все чувствует: что море говоритъ, де солнце ночью“. Прозрѣніе художника открываетъ тайны природы и чело-вѣка. Природа и чело-вѣкъ являются неизсякаемымъ источникомъ вдохновения и матеріаломъ его творчества.

Здѣсь мы подошли къ центральному пункту проблемы художественнаго творчества. Не съ пустыми руками поэтъ спускается на землю: душа его полна сладкихъ грезъ, она вмѣщаетъ идеальныя представленія, созданныя его творческой фантазіей. Душа поэта становится ареной, гдѣ встрѣчаются два противоположныхъ міра: идеальныя съ реально-воспринимаемымъ, природа и чело-вѣкъ. Попробуемъ проникнуть въ суть этой борьбы и хотя отчасти осмыслить протекающій въ душѣ поэта процессъ сліянія двухъ міровъ.

IV.

Прежде всего, чрезвычайно важно отгнать слѣдующій многозначительный фактъ, мысль о которомъ внушаетъ намъ чтеніе художественныхъ созданій истиннаго поэта. Для любого изъ нихъ природа съ ея разнообразными явленіями, гигантскими и едва замѣтными,—это первый въ полномъ смыслѣ неисчерпаемый источникъ вдохновенія, тайная пружина созданія идеальнаго міра поэтическихъ образовъ. Я не знаю поэта, для котораго природа была-бы темнымъ безформеннымъ адомъ, а не свѣтлымъ, безгранично прекраснымъ земнымъ раемъ. Понытаемся дать болѣе или менѣе удовлетворительное объясненіе этого факта.

756774
Характеризуя процессъ творчества, мы отгнали свободу и самостоятельность поэта - художника, съ которой онъ группируетъ созерцаемые имъ эстетическіе образы. Въ результатѣ этой свободы — идеальный міръ поэта, гдѣ царитъ его духъ, его воля. Духовная работа творца до тѣхъ поръ и будетъ имѣть характеръ поэтическаго творчества, пока теплотой вдохновенія душа поэта удерживаетъ въ своихъ рукахъ власть надъ образами, пока не объятъ ее холодъ необходимости и зависимости отъ виѣшняго. Виѣшняя природа не безформенный агрегатъ предметовъ и явленій, но стройное органическое цѣлое, части котораго закономерно распределены и связаны межъ собою крѣпкими узами дѣйствующихъ въ природѣ законовъ необходимости. Каждая часть природы, группы ея явленій занимаютъ свое опредѣленное этими законами мѣсто въ цѣломъ; ни одна часть природы не можетъ нарушить общаго состоянія самостоятельно, такъ сказать, свободно, минуя воздѣйствіе природныхъ законовъ. На этомъ я останавливаюсь съ особеннымъ вниманіемъ въ виду того, что эта пассивность отдѣльныхъ частей цѣлаго въ природѣ играетъ чрезвычайно важную роль въ процессѣ наложенія поэтомъ опредѣленной группы, комбинаціи художественныхъ образовъ изъ своего поэтическаго міра на соотвѣтствующія этимъ образамъ группы явленій природы. Послѣ Канта нельзя уже говорить объ адекватномъ познаніи міра. Всякое наше представленіе есть уже отчасти актъ творческій,—что-же сказать о созерцаемыхъ поэтомъ художественныхъ образахъ?.. Въ

его сознаніи, рамки котораго раздвинуты вдохновеніемъ, кипитъ жизнь, тамъ необъятное море художественныхъ образовъ волнуется и бурлитъ. Для вдохновеннаго поэта всѣ образы и ихъ комбинаціи ощутительно живы, но онъ старается доволотить ихъ, связать ихъ съ тѣми природными явленіями и группами ихъ, воспріятіе которыхъ доступно и не вдохновенному наблюдателю. Осуществляя свое намѣреніе, поэтъ хочетъ поднять этого наблюдателя въ безконечную высоту своего вдохновенія и сдѣлать его участникомъ сладости и красоты своего идеальнаго міра. Мы уже раньше установили пассивность и зависящую отъ нея устойчивость явленій природы и ихъ группъ; благодаря этому они не свободны и не могутъ противиться и разрушать созданную вдохновеніемъ поэта художественную картину даннаго явленія природы или группъ ихъ. Поэтъ-художникъ налагаетъ готовую созданную его творческой фантазіей концепцію художественныхъ образовъ на данное явленіе природы, на извѣстную часть ея, отграничиваетъ его отъ другихъ частей, явленій, и тѣмъ обнаруживаетъ его для другихъ, не замѣчающихъ его красоты.

Приходится слышать, что художественное произведеніе, напимѣръ, картина ниже дѣйствительности, такъ какъ картина содержитъ лишь часть, такъ сказать, маленькій уголокъ прекраснаго, и рама въ данномъ случаѣ является какъ бы условнымъ обозначеніемъ отграниченія этой части отъ цѣлаго. Я же, наоборотъ, въ фактѣ отграниченія части отъ цѣлаго во всякой художественной картинѣ вижу непремѣнное условіе сознательнаго воспріятія красоты внѣшняго міра. Безъ членораздѣльныхъ звуковъ нѣтъ рѣчи, такъ и безъ отграниченія художникомъ воспроизводимой части природы отъ цѣлаго не возможно никакое искусство. Никто не можетъ созерцать всю природу, а, слѣдовательно, ни одинъ художникъ не можетъ изобразить весь универсъ.

Итакъ, художественное воспроизведеніе природы является въ результатѣ наложенія комбинаціи художественныхъ образовъ на пассивную и устойчивую группировку соотвѣтствующихъ опредѣленныхъ, отграниченныхъ отъ цѣлаго группъ явленій (частей) природы. Каждая подлинно художественная картина художника, живописца, поэта, композитора—это творимая легенда вдохновеннаго генія, гдѣ

неизмѣримо больше художника человѣка, чѣмъ мертваго природнаго матеріала.

Сдѣланный нами анализъ столкновенія идеальнаго, поэтическаго міра съ реальнымъ въ моментъ поэтическаго творчества пріоткрываетъ завѣсу въ „міръ неяснаго и нерѣшеннаго“, и даетъ возможность фактъ опозитизированія природы объяснять, какъ удивительное сочетание творческой свободы поэта-художника съ природной необходимостью, которой подчиняются воспроизводимыя художникомъ части цѣлаго—природы. Только этимъ можно объяснить присущее всѣмъ поэтамъ одухотвореніе природы, которое стало теперь синонимомъ эстетическаго воспріятія и самаго художественнаго творчества. Вспомните „язычника“ Тютчева; для него красота природы не была пустымъ звукомъ; онъ вѣровалъ въ душу природы и видѣлъ ее въ блескѣ молодой весны и „въ свѣтлости огненныхъ вечеровъ“, въ сверканіи пламенныхъ зарницъ, въ жизни почного моря. Вспомните великаго Пушкина; его поэзія — чуткое эхо живой природы, умѣлъ же онъ находить прекрасное въ самыхъ, повидимому, прозаическихъ предметахъ. Вспомните и несчастнаго Лермонтова, такіе перлы его творчества, какъ стихи „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Выхожу одинъ я на дорогу“,—и вы поймете, сколько человѣческаго геніально слито съ природнымъ въ подлиннохудожественномъ произведеніи. Передъ нами творимая легенда: проза земли творческой силой генія превращается въ поэзію неба.

Утомленные длительнымъ и, можетъ быть, труднымъ переходомъ по дебрямъ эстетики вступимъ въ тѣнистую прохладу необъятнаго земнаго Эдема, насажденнаго и выращеннаго творчествомъ Шевченка и подъ его кущами насладимся заслуженнымъ отдыхомъ.

Великій сынъ своего народа Шевченко до послѣдняго вздоха горѣлъ пламенной любовью къ природѣ своей Украины; любилъ эту природу такъ страстно, какъ могутъ любить вмѣстѣ сорокъ сказочныхъ братьевъ. Ни долгія скитанія по чужимъ краямъ, ни петербургская тюрьма, ни тягостное прозябаніе въ оренбургской крѣпости не могли изгладить изъ впечатлительной души поэта родныхъ картинъ. Богатая творческая фантазія замѣнила ему непосред-

ственное наблюдение, и на страницахъ его „Кобзаря“ разбросаны многочисленные черты удивительно художественнаго воспроизведенія родной природы.

При чтеніи этихъ мѣстъ невольно бросается въ глаза поразительная близость художественныхъ приемовъ поэта съ приемами изображенія картинъ природы въ украинскихъ народныхъ пѣсняхъ. Духовное и даже вѣдшее средство народной пѣсни съ поэзіей Шевченка настолько тѣсно, что только хорошо знающій ту и другую будетъ въ состояніи опредѣлить что принадлежитъ поэту и что народу. Живость, красота и простота художественныхъ образовъ, запечатлѣнныхъ въ адекватно музыкально-словесное выраженіе—и являются причиной того, что многія поэтическія созданія Шевченка требуютъ прямо мелодіи. Не даромъ большинство ихъ, наиримѣръ: „Рече та стогне Дніур широкий“, „Зоре моя вечерняя“, „Садокъ вешневий“, „За сонцемъ хмаронька пливе“, „Ой діброво, темний гай!“—всѣ эти произведенія не только читаются, но и поются, а нѣкоторыя изъ нихъ вошли уже въ кругъ народныхъ украинскихъ пѣсень. Кто испыталъ чарующую прелесть украинскихъ пѣсень, тому нечего напоминать, насколько ярко блещетъ въ нихъ красота чувствующей, одушевленной природы Украины. Чуждое рефлексіи представленіе народа не различаетъ въ природѣ высшаго или низшаго: всякая былина, ручей, тополя, камень, цвѣтокъ; затѣмъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды—въ представленіи творца народныхъ пѣсень живутъ, страдаютъ и радуются. Красоты своего духа народъ переноситъ на природу и природную красоту на себя, и получается, что красота человѣческаго духа въ народной пѣснѣ Украины является красотой природы и красота природы—красотой человѣка. Эти пѣсни и послужили для Шевченка прекрасной школой для развитія эстетическаго вкуса. Присущій поэту анализъ не вытравилъ изъ его души непосредственно народнаго, цѣльнаго міровоззрѣнія; и въ его поэзіи украинскія „дівчата“, „хлопці“, „старі“, „мати“, „покритки“, „наймички“ и т. д. живутъ, страдаютъ, радуются и гибнутъ, какъ растутъ, вянутъ и засыхаютъ: „калина“, „тополя“, „діброва“, „дуб“, „явір“, страдаютъ и радуются за людей: „сонце“, „місяць“, „Дніпро“ и т. д.

Оттак, ходя по-під гаєм,
Ярема співає,
Виглядає, а Оксани
Немає, немає.
Зорі сяють, серед неба,
Світить білолиций;
Верба слуха соловейка,
Дивиться в криницю;

На калині, над водою,
Так і виливає,
Неначе зна, що дівчину
Козак виглядає.
А Ярема по долині
Ледве, ледве ходить,
Не дивиться, не слухає...

Какъ ни тѣсно родство поэзіи Шевченка съ украинской пѣсней, опытный взглядъ межъ ними все-таки улавливаетъ разницу. Могучій поэтъ остается художникомъ эстетомъ по преимуществу и его взглядъ на природу, на ея части—чисто эстетическій. Къ ней онъ подходитъ съ готовыми, созданными его творческой фантазіей образами, и она оживаетъ, одѣвается въ золотую ризу его творчества, становится земнымъ раемъ, воплощающимъ въ себѣ духовный рай поэта-художника.

Почти на каждой страницѣ „Кобзаря“ поэтъ рисуетъ высоко-художественныя картины родной природы, называетъ ее земнымъ раемъ, противопоставляя этотъ рай аду кромѣшному, исчадію человѣческой злобы и эгоизма. Послѣдуемъ же за поэтомъ и хоть нѣсколько мгновеній подышемъ святою и сладкимъ ароматомъ художественно созданнаго имъ рая:

Засне долина, на калині
І соловейко задріма.
Повіє вітер по долині,
Пішла дібровою луна;
Луна гуляє, — божа мова.
Встануть сердеги працювать,
Підуть корови на діброви,
Вийдуть дівчата воду брать.
Вигляне сонце. Рай та й годі!
Верба сміється,—свято скрізь!
Злодій заплаче, даром що злодій..

Какъ и въ первозданномъ Эдемѣ красоту земного рая дополняетъ простое, тихое счастье людей:

Зацвіла в долині
 Червона калина,
 Ніби засміялась
 Дівчина-дитина.
 Любо, любо стало:
 Пташечка зраділа
 І зашебетала...
 Почула дівчина,
 І в білій свитині
 З біленької хати
 Вийшла погуляти
 У гай на долину.
 І вийшов до неї
 З зеленого гаю
 Козакъ молоденький,
 Цілує, вітає,

За руки хватає.
 І йдуть по долині
 Тихою ходою
 І йдучи співають,
 Як діточок двоє;
 Під тую калину
 Прийшли, посідали
 І поцілувались...
 Якого-ж ми раю
 У Бога благаєм?!
 Рай у вічі лізе,
 А ми в церкву лізем,
 Заплющивши очі:
 Такого не хочем!
 Сказав би я правду
 Та що з неї буде?..

Какъ наглядно, високо-художественно и въ то же время правдиво обработаны детали этой картины, какъ просты и ярки образы поета! Поэтъ не рассказываетъ, но рисуетъ, пишетъ картину, гдѣ краски замѣняетъ простой, музыкальный стихъ. Не даромъ поэтъ получилъ званіе свободного художника: двухъ десятковъ стиховъ для него достаточно, чтобы нарисовать чудо-картину.

Въ гениальной личности Шевченка мы имѣемъ рѣдкій примѣръ любимца и избранника природы; она щедро наградила его двумя талантами: талантомъ поэта-художника и первокласснаго живописца. Утонченный и проникновенный взглядъ живописца еказывается въ необычайной жизненности и конкретности художественныхъ образовъ поэта въ гармоничномъ и столь же естественномъ расположеніи деталей рисуемой картины, въ простотѣ, цѣльности и чисто классической пластичности въ изображеніи природы и чело-вѣка. Откройте любую страницу „Кобзаря“, и вашему взору предстанетъ: то погруженный въ тяжелую думу ликъ са-мого поэта, съ его безмѣрной любовью къ страждущему и ненавистью къ насильникамъ и поборникамъ зла, то любящіе, радующіеся, страждущіе, обленные въ плоть и кровь герои и героини его поэзіи, то яркіе, точно съ натуры срисованные, полные зелени и солнца пейзажи укра-

инской природы. Сейчас я нахожусь въ затрудненіи: не потому, конечно, что „Кобзарь“ Шевченка не даетъ матеріала, а потому, что обиліе матеріала препятствуетъ моему желанію воспроизвести что-либо выдающееся въ этомъ отношеніи. Вспомните хотя-бы сцену изъ поэмы „Катерина“, гдѣ убитые горемъ родители несчастной „покрытки Катерини“ прогоняютъ изъ дому свою опозоренную дочь:

Сидить батько кінець стола,
На руки схилився,
Не дивиться на світ Божий:
Тяжко зажурився.
Коло його стара мати
Сидить на ослони,
За сльозами ледве, ледве
Вимовляє доні...

Прочтите внимательно эту сцену, и я увѣренъ, что эстетическая реальность, вызванная въ васъ творчествомъ поэта, ничѣмъ не уступитъ впечатлѣнію реальности отъ ощущаемыхъ вами дѣйствительно существующихъ предметовъ или происходящихъ на вашихъ глазахъ явленій.

А развѣ не просится на полотно слѣдующая, вѣчно живая, вѣчно трогательная картина изъ той же поэмы:

Пішла селом,	Якъ тополя стала в полі,
Плаче Катерина;	При битій дорозі;
На голові кустиночка,	Як роса та до схід сонця
На руках дитина.	Покатили сльози;
Вийшла з села -- серце мліє;	За сльозами, за гіркими
Назад подивилась,	І світа не бачить,
Покивала головою	Тільки сина пригортає,
Тай заголосила.	Цілує та плаче.

*А воно, як янголятко,
Нічого не знає:
Маленькими ручицями
Пазурги шукає.
Сіло сонце, з-за діброви
Небо червоніє:
Утерлася, повернулася
Пішла... тільки мріє.*

Но перломъ живописности и пластичности изображенія въ поезіи Шевченка нужно признати его разсказъ-описание морского похода казаковъ на своихъ „чайках“ къ Цареграду, подъ предводительствомъ „отамана Івана Підкови“, въ стихотвореніи того же названія:

Чорна хмара з-за лиману	Похожає вздовж байдака,
Небо, сонце криє.	Гасне люлька в роті;
Синє море звірюкою	Поглядає сюди, туди —
То стогне, то вие;	Де-то будь роботи?
Дніпра гирло затопило.	Закрутивши чорні уси,
„А нуте, хлопята,	За ухо чуприну,
На байдаки! Море грає —	<i>Підняв шапку — човни стали.</i>
Ходім погуляти!“	„Нехай ворог гине!
Висипали Запорожці;	Не в Синопу, отамани,
Лиман човни вкрили.	Панове-молодці,
„Грай же море!“ Заспівали,	А у Царград, до султана
Запінились хвилі.	Поїдемо в гості!“
Кругом хвилі, як ті гори:	— „Добре, батьку отамане!“
Ні землі, ні неба.	Кругом заревіло.
Серце мліє, а козакам	„Спасибі вам!“
Того тільки й треба.	<i>Надів шапку.</i>
Пливуть собі та співають;	<i>Знову закипіло</i>
Рибалка літає,	<i>Синє море.</i> Вздовж байдака
А попереду отаман	Знову похожає, та на хвилю
Веде, куди знає.	Мовчки поглядає.

Вчитываюсь въ эти строки; закрываю глаза... и мало-помалу въ моемъ воображеніи всплываютъ контуры рисуемой авторомъ картины. Черезъ нѣсколько мгновеній я вижу всю ее такъ ясно и отчетливо, будто я сейчасъ не съ закрытыми глазами, а съ напряженнымъ вниманіемъ всматриваюсь въ висящую передо мной гениально выполненную картину. Необъятная бездонная масса моря дрожитъ и колыхается; вся она изрѣзана черными гигантскими морщинами-валами. На самой вершинѣ вала показалось небольшое пятно, козацкая чайка; стрѣлой она погружается въ бездну, чтобы черезъ нѣсколько секундъ опять взлѣтать на вершину водяного хребта. Лица отважившихся на этотъ походъ смѣльчаковъ сосредоточены и потемнѣли, точно бушующая кругомъ вода. А на одной изъ „чаекъ“ стоитъ,

задумавшись, славный атаманъ запрожцевъ „Іванъ Підкова“; раскуривая „люльку“, онъ воодушевляетъ своихъ богатырей и, несмотря на ежеминутно угрожающую смерть, смѣло ведетъ ихъ къ столицѣ султана — Царьграду. Уничтожьте все, что описываетъ, рассказываетъ, рисуетъ красками это событіе: картины, исполненной гениальной кистью-словомъ Шевченка, вполне достаточно, чтобы описываемое поэтомъ историческое событіе предстало грядущимъ вѣкамъ во всемъ его величіи и красотѣ. Особенно гениально схвачены и выполнены двѣ детали этой картины:

„Підняв шапку — човни стали“...

„Надів шапку. Знову закипіло синє море“...

Для гениальнаго художника слова и кисти достаточно пары стиховъ въ четыре, пять словъ, чтобы въ воображеніи читателя запечатлѣлись съ поразительной наглядностью и пластичностью центральные моменты рисуемой картины.

Вчитывайтесь въ эстетическія, въ строгомъ смыслѣ этого слова, мѣста „Кобзаря“ Шевченка, и вы невольно обратите вниманіе, какими простыми средствами ему удается достигнуть этой художественности какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ. Для примѣра приведу одно изъ такихъ мѣстъ, гдѣ поэтъ рисуетъ живописный ландшафтъ, открывающійся наблюдателю съ высокаго берега Днѣпра, и прибѣгаетъ не то что къ простому, а прямо къ простонародному способу передачи эстетическихъ переживаній:

Іду я тихою ходою,
Дивлюсь—аж он передо мною
Неначе дива вирінають:
Із хмари тихо виступають
Обрив високий, гай, байрак;
*Хатки біленькі виглядають,
Мов діти в білих сорочках
У піжмурки в яру гуляють.*
А далі сивий наш козак
Дніпро з лугами виграває,
А онде, онде за Дніпром,
На пригорі, ніби капличка,
Козацька церква невеличка
Стоїть з похилецим хрестом.

Пластичность, яркость и простота въ обработкѣ деталей въ поэзіи Шевченка соединяется съ реализмомъ или даже съ натурализмомъ изображаемыхъ имъ картинъ:

Садок вишневий коло хати, Семья вечеря коло хати;
Хрущі над вишнями гудуть, Вечіря зіронька встає;
Плугатарі з плугами йдуть, Дочка вечерять подає...
Співають ідучи дівчата, А мати хоче научати,
А матері вечерять ждуть. Так соловейко не дає.

Поклала мати коло хати
Маленьких діточекъ своїх,
Сама заснула коло їх
Затихло все... Тільки дівчата
Та соловейко не затих.

И этотъ рай на землѣ, чудный украинскій вечеръ, поэтъ рисуетъ въ петербургской тюрьмѣ. Такъ могуча творческая фантазія поэта, такъ безгранично прекрасны, живы, наглядны его художественные образы! Припомните, господа, пресловутую „Украинскую ночь“ Гоголя, сравните ее съ описаніемъ ея у Пушкина *) и, наконецъ, у Шевченка. Не знаю, какъ чья, но моя симпатія на сторонѣ Пушкина и Шевченка. Осыпавъ драгоценными камнями серебряную ризу лѣтней украинской ночи,—Гоголь возбуждаетъ въ насъ высокое эстетическое наслажденіе: Шевченко и Пушкинъ подмѣтили подлинную, природой сотканную, прекрасную ризу *наступающей* украинской ночи, запечатлѣли эту правду въ простые и художественные образы. Проблема реализма въ художественномъ творствѣ, колеблемая новѣйшими изслѣдованіями по эстетикѣ, еще болѣе осложняется и углубляется настолько, что едва ли кто рѣшится сдѣлать предпочтеніе реализма ирреализму. Вѣдь, вся суть въ эстетическомъ переживаніи вдохновеннаго поэта; оно — прямой результатъ творческаго синтеза, наложенія міра поэтическихъ образовъ на міръ явленій природы. Значить, толчекъ, причина эстетическаго въ душѣ поэта, самый источникъ вдохновенія поэта является чѣмъ-то дѣйствительно существующимъ. Эстетическое наслажденіе художественнымъ твореніемъ наблюдателя, читателя строится также на реаль-

*) Тиха украинская ночь...

номъ базисѣ: для насъ реальна уже субъективная реальность поэта, творчески воспроизводимая имъ въ художественномъ созданіи. Чѣмъ художественнѣе произведеніе, тѣмъ больше мы вѣримъ въ реальность художественныхъ образовъ поэта, не задаваясь вопросомъ, соотвѣтствуетъ ли въ мірѣ что-либо этимъ художественнымъ образамъ. Силою своего генія поэтъ можетъ превратить и фантастическое въ подлинную для насъ реальность, ибо ея оказывается достаточно, чтобы вызвать у насъ эстетическія переживанія.

Однако крайностью будетъ сказать, что всякое истинно-художественное твореніе ирреально. Я сейчасъ прочту вамъ удивительно художественную картину, которую во всѣхъ деталяхъ вы можете наблюдать въ любомъ мѣстѣ Украины:

Тече вода з-під явора
Яром на долину,
Пишається над водою
Червона калина,
Пишається калинонька,
Явір молодіє,
А кругом їх верболози
Й лози зеленіють.
Тече водь із-за гаю
Та по-під горою;
Хлюпошуться качаточка
По-між осокою.

А качечка впливає
З качуром за ними,
Ловить ряску, розмовляє
З дітками своїми.
Тече вода край города,
Вода ставом стала
Прийшло дівча воду брати,
Брало, заспівало,
Вийшли з хати батько й мати
В садск погуляти,
Порадитись, кого б то їм
Своїм зятем звати?

Или слѣдующій высоко-художественный эскизъ:

Надъ Дніпровою сагою
Стоїть явір між лозою,
Між лозою з ялиною,
З червоною калиною.
*Дніпро берег рис, рис,
Яворові корінь мис;
Стоїть старий, похилився,*

*Мов козак той зажурився *)—*
Що без долі, без родини
Та безъ вірної дружини, —
І дружині, і надії —
В самотині посивіє!
Явір каже: „похлюся,
Та в Дніпріві скупаюся“.

*) Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе поразительно удавшаяся поэту аллитерація съ помощью звука „р“.

Козак каже: „погуляю, Та любої пошукаю“.	Вихожаючи співають — Повбирані, завітчані
А калина з ялиною Та гнучкою лозиною,	Та з таланом заручені, Думки, гадоньки не мають —
Мов дівчаточка із гаю	Вьються, гнуться та співають...

Ми ж нечего и подчеркивать: вы сами видите, что поэт до фотографичности реаленъ въ этихъ своихъ картинахъ, но кто же станетъ отрицать художественную ихъ прелесть. Здѣсь реальность художественныхъ образовъ адекватна реальности дѣйствительно существующихъ явленій природы; поэтъ сумѣлъ такъ художественно передать прекрасное природы, что имъ любуется и тотъ, кто быть можетъ просмотрѣлъ - бы эту красоту въ дѣйствительности. Я не стану рѣшать, а лишь ставлю вопросъ: что выше, что цѣннѣе реальное не только въ творчествѣ, но и въ природѣ, или реальное въ творчествѣ и не имѣющее никакого отношенія къ дѣйствительности — чисто фантастическое созданіе поэта?

Мы не достаточно полно обрисовали-бы „чувство природы“ въ поэзіи Шевченка, если-бы не остановились на чрезвычайно важныхъ въ этомъ отношеніи стихотвореніяхъ, гдѣ поэтъ блещетъ всей силою и глубиной своего эстетическаго вкуса, гдѣ онъ обнаруживаетъ удивительную чуткость и воспримчивость къ неуловимымъ проблескамъ красоты, чего зачастую лишены и первоклассные поэты. Развѣ могъ Шевченко, не обладавъ природнымъ глазомъ живописца, нарисовать такую картину:

За сонцем хмаронька пливе, Червоні поли розстилає.	А туман, неначе ворог, Закриває море
І сонце спатоньки зове У синє море, — покриває.	І хмароньку рожевую, І тьму за собою
Рожевою пеленою, Мов мати дитину.	Розстилає туман сивий, І тьмою німою
Очам любо; годиночку, Малую годину	Оповнє тобі душу, Й не знаєш, де дітись.
Ніби серце одпочине, З Богом заговорить.	І ждеш його, того світу, Мов матері діти.

На этомъ стихотвореніи легче всего отгѣнить драгоценную способность всякаго гения перевоплощать сѣбря,

обыденныя явленія природы въ полныя неувядаемой красоты перлы художественнаго творчества. Въ самомъ дѣлѣ, разберемъ, что составляло канву этого прелестнаго стихотворенія. Сѣрое пустынное небо оренбургской степи; яркіе лучи солнца немилосердно жгутъ землю; гдѣ-то на небосклонѣ показалось небольшое облачко, и направляется прямо къ солнцу; догнало, покрыло, и порозовѣло. Вдали виднѣется море, „сѣдые туманы плывутъ къ облакамъ“, закрываютъ солнце и порозовѣвшее на немъ облачко. Вотъ, довольно прозаическая модель, съ которой геніальный поэтъ рисуетъ свою чудо-картину. Просвѣщенный вдохновеніемъ глазъ поэта за сѣрымъ обыденнымъ покровомъ видитъ тайную, не уловимую простымъ глазомъ красоту, жадно упивается открывшимся ему прекраснымъ и передаетъ намъ свое высокое поэтическое созерцаніе въ простыхъ, но въ то-же время высоко-художественныхъ образахъ, передаетъ намъ доступное только его вдохновенію наслажденіе прекраснымъ въ простыхъ и мелодичныхъ стихахъ. Въ художественномъ изображеніи природы у Шевченка, какъ и у всякаго великаго художника, впечатлѣніе реальности зависитъ, строго говоря, отъ живости, простоты и пластичности образовъ, отъ художественныхъ приѣмовъ поэта, когда силою своего могучаго воображенія ему удастся такъ ярко, такъ наглядно представить созерцаемые имъ образы, что мы, читатели, воспринимая ихъ, поддаемся чарующей ихъ прелести и остаемся глухи и нѣмы ко всѣмъ, рвущимся въ нашу душу ощущеніямъ. Въ созданіи своего генія поэтъ несетъ намъ иную реальность, реальность вещей и явленій своего творческаго міра; и въ существованіе созданнаго фантазіей поэта земнаго рая, человѣкъ—не лишенный, конечно, эстетическаго вкуса—вѣритъ больше, чѣмъ въ существованіе окружающей его дѣятельности. Вѣдь, и дѣйствительно существующихъ предметовъ и явленій природы мы можемъ почему-нибудь не замѣчать: художественные же образы сами заползаютъ въ душу, раздвигаютъ рамки нашего сознанія, овладѣваютъ нашимъ воображеніемъ и создаютъ въ душѣ определенное настроеніе. Выходитъ, слѣдовательно, что созданіе поэта дѣйствуетъ на нашу душу, какъ определенная реально существующая величина, независимо отъ того, соотвѣтствуетъ ли ему что-либо въ дѣйствительности.

Поясню свою мысль слѣдующими совершенно фантастическими контурами украинской ночи, которыми художникъ слова и кисти Шевченко начинаетъ свою поэму „Княжна„:

Зоре моя вечерня!	Верба похилилась —
Зійди над горою,	Аж по воді розістлала
Поговорим тихесенько	Зелені віти,
В неволі з тобою.	А на вітах гойдаються
Роскажи, як за горою	Нехрещені діти;
Сонечко сідає,	Як у полі на могилі
Як у Дніпра веселочка	Вовкулак ночує,
Воду позичає;	А сич в лісі та на стрісі
Як широка сокорина	Недолю віщує;
Віти роспустила,	Як сон-трава при долині
А над самою водою	В-ночі росцвітає...

Предвѣстница наступающей ночи, вечерняя звѣзда, будитъ творческую фантазію поэта и навѣваетъ ему фантастическіе образы, столь далекіе отъ дѣйствительности. А я часто читаю эти стихи, и никакая варшавская слякоть не въ состояніи удержать мое воображеніе, чтобы хоть на нѣсколько мгновеній оно не унеслось подъ „необъятный, таинственный сводъ“ украинской ночи.

Эстетическое воспріятіе обыденныхъ предметовъ и явленій природы, превращеніе ихъ подъ магическомъ воздѣйствіемъ вдохновенія въ перлы художественнаго творчества и порождаемый этимъ вдохновеніемъ необъятный міръ поэтическихъ грезъ — вотъ гдѣ тайная пружина нашего преклоненія и нашей любви ко всякому генію. И развѣ ошибался геніальный философъ Шеллингъ, когда ставилъ для истинно-великаго художника не человѣческую, а божескую задачу: въ священныя минуты вдохновенія продолжать дѣло творческой, организующей силы природы. Путемъ вѣковыхъ усилій и гигантской борьбы съ мировымъ хаосомъ, произведя на свѣтъ — какъ результатъ этой борьбы — зло и безобразіе, — организующая сила природы медленно, но упорно съ ступеньки на ступеньку подымается къ прекрасному, гармоничному, пока, наконецъ, силою генія со ступени безсознательнаго художественнаго творенія, она не возносится на ступень сознательнаго художественнаго творчества.

Если міръ есть божественное художественное твореніе священной, вѣчно творящей Первичной Силы, то творческимъ гениемъ искусства создается столь дивный, столь причудливый міръ художественныхъ образовъ, какихъ напрасно мы будемъ искать въ природѣ. Природа не жалѣетъ богатствъ, украшая и наряжая свои созданія въ пышныя одежды разлитой по всей вселенной красоты. Но еще болѣе богатъ и щедръ вдохновенный поэтъ-художникъ. Пріоткрывъ священный покровъ матери Изиды, онъ проникаетъ въ тайны бытія, прозрѣваетъ зарождающуюся красоту, собираетъ и наслаждается распустившейся, и гдѣ-то, въ бездонной глубинѣ своего великаго духа, онъ прядетъ разноцвѣтную нить и вполне сознательно ткеть изъ нея причудливую ткань, которой онъ хочетъ прикрыть наготу матери-природы.

Въ моментъ поэтического творчества поэтъ-художникъ—сверхъ-человѣкъ Ницше, осыпающій природу „драгоценностями отъ полноты своей добродѣтели“. И къ нему мы вправѣ обратиться съ тѣмъ хвалебнымъ гимномъ, которымъ великій художникъ Шевченко прославляетъ Премудраго Архитектора, Превѣчнаго Художника, „Багатого батька“ своихъ безчисленныхъ дѣтей—предметовъ и явленій природы:

Ой діброво, темний гаю!
Тебе одягає
Тричі на рік... Багатого
Собі батька маєш.
Раз укріє тебе рясно
Зеленим покровом, —
Аж сам собі дивується
На свою діброву.
Надивившись на доненьку
Любу, молодую,
Візьме її та й огорне
В ризу золотую,
І сповіє дорогою
Білою гобою, —
Тай спать ляже, втомившись
Турбою такою.

Часть вторая.

А Д Ъ.

(Основные мотивы поэзии Т. Г. Шевченка).

I.

„... На праведній твоїй землі...
Ми в раї некло розвели“...

„Багатий батько“, творящая сила природы, щедро награждает своих дѣтей, направо и налево разсыпает свои неизсякаемые сокровища. Поэтъ-художникъ продолжаетъ дѣло природы: устраиваетъ и украшаетъ твореніями своей фантазіи рай земной, дѣлаетъ его еще болѣе прекраснымъ и заманчивымъ. Поэтъ-художникъ насаждаетъ новый Эдемъ; но гдѣ же люди? Прогуливаются ли они подъ необъятнымъ пространствомъ поэтического рая, дополняютъ ли они своимъ пребываніемъ картину рая, наслаждаются ли они предложеннымъ имъ счастьемъ?

Заглянемъ въ „Кобзарь“ Шевченка, и насъ ждетъ горькое разочарованіе. Дивно прекрасенъ земной Эдемъ въ изображеніи поэта. Кто не потерялъ природной способности чувствовать прекрасное, тотъ не оторветъ своихъ глазъ отъ красотъ загорающагося утра:

Дивлюся — аж світає,	Степи, лани мріють.
Край неба палає;	Між ярами над ставами
Соловейко в темнім гаї	Верби зеленіють.
Сонце зустрічає.	Сади рясни похилились,
Тихесенько вітер віє, —	Тополі по волі

Стоять собі, мов сторожі,	Вмивається, красується,
Розмовляють в полі.	Сонце зустрічає.
І все то те, вся країна,	І нема тому почину,
Повита красою,	І краю немає.
Зеленіе, вмивається	Ніхто його не додбає,
Ранньою рососою;	А-ні розруйнує...

Какъ художникъ, поэтъ всюду ищетъ и находитъ прекрасное, наслаждается эстетическимъ воспріятіемъ открывающейся ему красоты:

Бо дивись:

Он гай зелений похилився,
А он з-за гаю виглядає
Ставок, неначе полотни,
А верби геть по-над ставом
Тихесенько собі купають
Зелені віти... Правда, рай?

Но, какъ человекъ, поэтъ не удовлетворяется односторонней красотой земного рая. Ему хочется, чтобы красота, гармонія природнаго рая коснулась его хозяина — человека. Что же человекъ?

Мені аж страшно, як згадаю
Оту хатину край села.
Такіі, Боже наш, діла
Ми творимо у нашім раї,
На праведній Твоїй землі!
Ми в раї пекло розвели,
А в Тебе другого благаєм.

Сколько горячей любви, сколько поэтического жара и энергии тратитъ поэтъ на созданіе новаго земного Эдема, и сколько нужно имѣть безсердечія, жестокой злобы и ненависти, чтобы, подкравшись, воровски поджечь, испепелить чужое счастье. Пока существуетъ міръ, до тѣхъ поръ будутъ повторяться символическая исторія грѣхопаденія людей, съ той небольшой разницей, что современные преступники никогда не сознаютъ своей виновности и не заплачутъ, какъ Адамъ и Ева, слезами раскаянія. Какъ ни могуча фантазія поэта, какъ ни велико его желаніе видѣть рай не

только на землѣ, въ природѣ, но и въ сердцахъ людей, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ,—поэтъ въ безсиліи опускаетъ руки; душа его сотрясается подъ ужасной картиной чело-вѣческаго разлада, гдѣ „кров та хула, та слѣзы, хула всьому святому“. „Ні, ні, нічого нема святого на землі!“ въ ужасѣ восклицаетъ поэтъ. Человѣческое зло обрѣзываетъ могучія крылья его творческой фантазіи, безсиленъ онъ наложить свой прекрасный, поэтический міръ на безформенныя, чуждыя связности и гармоніи чело-вѣческія отношенія. „Какъ таесть воскъ отъ лица огня“, такъ таютъ поэтическія грезы отъ чада и дыма земного ада, гдѣ повсюду „течуть ріки, кровавіи ріки“. Утонченное чутье прекраснаго до крайней степени обостряетъ душевный конфликтъ между прекраснымъ раемъ природы и мерзостью запустѣнія ада чело-вѣка. Плачевны результаты этого конфликта; и вся поэзія Шевченка, это—„плачь Іереміи,“ плачь на развалинахъ любви и правды на землѣ. Весь „Кобзарь“ Шевченка пропитанъ слезами. Пророкъ божій Іеремія выплакалъ „Новый Сіонъ“, выплакалъ пришествіе на землю Мессіи,—далекое будущее покажетъ, что выплакалъ для себя, для своего народа великій украинскій поэтъ! Не только Шевченко, но и всѣ великіе поэты, безмѣрно могучіе въ превращеніи природы въ новый Эдемъ, безсилны не только осуществить, но и создать легенду Царства Божія на землѣ. Справедливо замѣчаетъ В. Соловьевъ, что все величіе старыхъ и новыхъ поэтовъ состоитъ въ обрисовкѣ отрицательныхъ типовъ и что попытки созданія положительныхъ типовъ-идеаловъ всегда кончались плачевно. Вспомнимъ, господа, Гоголя во второй половинѣ его литературной дѣятельности, вспомнимъ „творимыя легенды“ Э. Соллогуба, правда, высоко-художественныя, какъ сказка увлекательныя, но безкровныя и даже фантастическія. Насколько легко и успѣшно вдохновенный поэтъ набрасываетъ свои краски на полотно природы, настолько беспомощенъ онъ наложить хоть часть своего прекраснаго, творчески созданнаго имъ міра чело-вѣческихъ отношеній на реальныя, повседневныя отношенія людей межъ собой. Откуда же эта трудность и беспомощность поэта, когда онъ всѣмъ своимъ существомъ стремится творчески воспроизвести возможныя идеальныя чело-вѣческія отношенія; напротивъ, свобода и величіе поэта въ оповѣсти-

рованіи природы. Послѣдній фактъ намъ долженъ быть понятенъ изъ предыдущаго; теперь остановимъ свое вниманіе и разберемъ во второмъ.

II.

Въ то время какъ всѣ предметы и явленія природы находятся межъ собой не въ случайной, но въ необходимой связи,—человѣкъ, хотя и поставленъ въ рамки необходимости, все-таки существо свободное. Подходя къ міру вещей и явленій со всѣмъ богатствомъ художественныхъ образовъ, поэту приходится имѣть дѣло съ данными, какъ бы застывшими въ законѣ необходимости, сочетаніями вещей и явленій. Синтезъ природнаго и творимаго поэтомъ обусловливается выборомъ момента; удачно наложилъ поэтъ рамки на часть необходимо связанныхъ межъ собой явленій природы, расписать красками своей фантазіи детали,—вотъ и художественная картина земного рая.

Теперь, спросите у юристовъ: пусть они вамъ повѣдаютъ о томъ, какой хаосъ царитъ во взаимныхъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку и какъ трудно установить общія нормы, законы этихъ отношеній. Гармонія или даже устойчивость отношенія одного субъекта къ другому—это скорѣе цѣль, для осуществленія которой необходима свободная дѣятельность разумныхъ существъ. Пусть поэтъ рисуетъ самыя причудливыя картины идеальныхъ человѣческихъ отношеній, всѣ онѣ превратятся въ пухъ и прахъ при первомъ дуновеніи жизненной правды. И все потому, что человѣкъ — существо свободное, и не во власти поэта, хотя бы и великаго, направить волю многихъ по одному руслу. Здѣсь, именно, локализуется пунктъ расхожденія и столкновенія двухъ проблеммъ—эстетической и этической: вѣдь, не все прекрасное — доброе, и не все доброе — прекрасно. Какъ ни какъ, красота требуетъ цѣльности картины, гармонично-устойчиваго сочетанія частей, — добро же есть процессъ дѣятельности, завершеніе котораго — дѣло часто далекаго будущаго. Конечно, процессъ осуществленія добра свободной волей отдѣльной личности и сборно открылъ бы необъятныя перспективы для проявленія прекраснаго, человѣческаго, и эстетическаго наслажденія имъ; но спро-

симъ: часто ли приходится быть свидѣтелями торжества добра, часто ли правда и любовь великаго сердца поэта встрѣтить на своемъ пути правду и любовь человѣческую?..

Эпоха Шевченка была временемъ торжества крѣпостничества; это—время неограниченнаго самодурства однихъ и рабскаго приниженія другихъ. Самъ поэтъ — дитя бѣлыхъ невольниковъ — одаренный безграничной свободой генія, испыталъ тяжелыя пути рабства. Рано пробудившееся въ душѣ поэта чувство прекраснаго побуждало его искать прекраснаго и въ человѣкѣ, во взаимныхъ отношеніяхъ одного къ другому. Тиранія, насиліе, попраніе правъ человѣка, страданіе по близкихъ, нищета и безпрестанный трудъ—вотъ яркіе штрихи земнаго ада, орошаемаго кровью и слезами страждущихъ въ немъ. Вотъ почему почти каждое произведеніе Шевченка полно лиризма: за каждой строчкой его „Кобзаря“ видишь самаго поэта, кровью и слезами пишущаго свои „слѣзы-слова“. Самый эстетизмъ является для поэта лишь могучимъ средствомъ отѣнить, подчеркнуть по закону контраста очарованіе земнаго рая и мерзость запустѣнія въ человѣческихъ взаимныхъ отношеніяхъ. „Чистымъ сердцемъ“, по словамъ Спасителя, дано „узрѣть Бога“; но „имъ же, какъ наиболѣе совершеннымъ“, по словамъ Микель Анджелло, „дано въ удѣлъ наибольшее страданіе“. Вѣдь они, какъ никто, чутки къ неправдѣ и чужому горю; зорко и неустанно они слѣдятъ за малѣйшими колебаніями вѣсовъ въ рукахъ Божьихъ; бурной радостью брызжетъ ихъ творчество, когда беретъ перевѣсъ чашка міроваго добра, грусть и слезы — когда на міровыхъ вѣсахъ восторжествуютъ зло вмѣстѣ съ человѣческимъ страданіемъ. Спустимся же въ мрачныя подземелья Шевченкова ада, пути и тропинки котораго полны кровавыми слезами страдальца-поэта:

У всякаго своя доля
І свій шляхъ широкий:
Той мурує, той руйнує,
Той неситим оком
За край свѣта зазирає:
Чи нема країни,
Щобъ загарбать із собою,

Взять у домовину;
Той тузами обірає
Свата въ його хаті,
А той нишкомъ у куточку
Гострить ніж на брата;
А той, тихий та тверезий,
Богобоязливий,

Як кішечка підкрадеться,	Все храми мурує,
Вижде нещасливий	Та отечество так любить,
У тебе час, та й запустить	Так за ним бідкує,
Пазурі в печінки, —	Та так з його, сердешного
І не благай: не вимолять	Кров, як воду, точить!..
Ні діти ні жінка;	А братія мовчить собі,
А той, щедрий та розкішний,	Витріщивши очі,

Як ягнята: „Нехай!“ каже:
„Може, так і треба“.

Къ этой краткой, но чрезвычайно сильной и мѣткой характеристикѣ прибавимъ еще одинъ штрихъ:

І я прозрѣвати став потроху... доглядуясь —
Бодай не казати!
Кругом мене, доглядуясь,
Не люде, а змії...

Передъ нами схема адскаго подземелья, въ нашихъ рукахъ ключъ къ познанію зла.

Вдумавшись въ слова поэта, быть можетъ, вы спросите: да что въ нихъ новаго? вѣдь, это старая тайна, уже давно всѣмъ явная. Совершенно вѣрно, господа! Природа человѣка, не взирая на цѣлый рядъ вѣковъ, осталась одна и та же, и ключъ къ познанію добра и зла находится въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ—рукахъ человѣка. Фейербахъ приписывалъ человѣческому эгоизму созданіе перваго Бога, самой идеи о немъ; но вѣдь что, какъ не эгоизмъ создалъ и противоположную идею—идею Чорта, источника зла. Эгоизмъ, дѣйствительно, является и сѣменемъ зла и удобной пивой, гдѣ оно приноситъ обильную жатву. Жизнь человѣка протекаетъ въ рамкахъ индивидуальнаго сознанія. Душа такого сознанія это—сознаніе себя, своей индивидуальности центромъ, къ которому направлены и устремлены всѣ люди и вещи міра. Въ постепенномъ ростѣ человеческой индивидуальности тѣсныя рамки индивидуальнаго „я“—священны, такъ какъ человѣкъ ими только создается и крѣпнеть духовно и физически. Наконецъ, развитіе индивидуальности завершается, человѣкъ созрѣваетъ для дѣятельности. Тутъ-то и открывается для него свободный выборъ, куда направитъ присущія ему отъ природы центро-

стремительныя силы эгоизма: на себя, или раздвинуть рамки своего сознанія до сліяння съ другою индивидуальностію, и такимъ образомъ сдѣлать свое сознаніе частью цѣлаго — общественнаго сознанія. Отсюда два противоположныя пути жизни и дѣятельности: путь эгоизма и путь альтруизма. Тѣсны и извилисты тропинки въ царство любви и правды на землѣ; то тамъ то сямъ покажется на нихъ одинокій странникъ; широкъ и прямъ, какъ дорога въ адъ, путь эгоизма, куда широкой волной устремляются толпы людей. Индивидуальное „я“ для путника этой дороги является пещерой; изъ нея онъ бросаетъ поверхностныя взгляды на все окружающее; и не удивительно, если оно представляется ему въ перспективѣ, гдѣ-то тамъ, ниже его. Только въ себѣ самомъ онъ видитъ человѣка; да что человѣка, — земного владыку, господина, предъ которымъ должно преклоняться все. Другой человѣкъ — это средство, навозъ на нивѣ его благосостоянія.

III.

А слѣз, а крови!..
 ... Дівочих,
 Пролитих нишкомъ середъ почі,
 А матерніхъ гарячихъ слѣз,
 А батьківськихъ, старихъ, кривавихъ —
 Не ріки, — море разлилось,
 Огненнее море!..

Первое, законное дитя такого душевнаго настроенія, величайшее соціальное зло — крѣпостное право, со всѣми его мрачными послѣдствіями. Произведенія, имѣющія въ виду изобразить то горе, которое связано съ соціальными привилегіями и гнетомъ класса надъ классомъ, у Шевченка особенно многочисленны. Въ нихъ поэтъ, по словамъ одного критика, заставляетъ насъ заглянуть въ моральную пропасть, отъ которой невольно отворачиваешься: онъ раскрываетъ передъ нашими глазами всѣ соціальныя пороки, не переступая однако границъ эстетики. Кто знаетъ жизнь крѣпостничества, тому нечего напоминать, о какихъ порокахъ здѣсь идетъ рѣчь. Поэзія Шевченка — живой, безсмертный укоръ канувшему въ вѣчность злу. Изжитое,

грязное, треплется оно у позорнаго столба, къ которому пригвоздило его перо Шевченка въ назиданіе грядущимъ тиранамъ и насильникамъ. Развѣ можно смотрѣть безъ отвращенія на такія картины изъ жизни крѣпостничества:

Он глянь: у тім раї, що ти покидаеш,
Латану свитину з каліки здїймають,
З шкурою здїймають, бо нічим обути
Панят недорослих. А он розпинають
Вдову за подушне, а сина кують,
Єдиного сина, єдину дитину, —
Єдину надію! — в вїйсько оддають,
Бо його, бач, трохи... А онде під тином
Опухла дитина голодная мре,
А мати пшеницю на панщині жне;

А он — бачиш? Очі, очі!
На що ви здалися?
Чом ви з-малку не висушли,
Слізми не злилися.
То покритка по-під-тинню
З байстрям шкандибає;
Батько й мати одцурались,
Йї чужі не приймають,
Старці навіть цураються...
А панич не знає:
З двадцятою, недолюдок,
Душі пропиває...

И этихъ живыхъ, раздирающихъ душу картинъ еще недостаточно, чтобы дать понятіе о произволѣ и самодурствѣ крѣпостниковъ:

Як би розказать
Про якого-небудь одного магната
Історію-правду, то перелякать
Саме б пекло можна; а Данта старого
Полупанком нашим можна здивувать...

Не видя ничего святого, или хотя бы челоуѣка въ челоуѣкѣ, могли ли эти земные владыки смотрѣть иначе на женщину, какъ не на постельную принадлежность, какъ не на лакомый кусокъ, который такъ пріятно проглотить въ не-

насытное чрево сладострастія. Неистошими краски на па-
литрѣ Шевченка, когда онъ касается любимой своей темы.
Всѣ эти несчастныя, растоптанныя скотскимъ сладостра-
стіемъ „Катерини“, „Відьми“, „Наймички“ и т. д.—всѣ онѣ
въ глубокой безднѣ паденія чище и выше своихъ развра-
тителей, фигурирующихъ съ глупымъ видомъ въ качествѣ
крестныхъ отцовъ своихъ собственныхъ дѣтей и не оста-
навливающихся передъ растлѣніемъ своихъ дочерей. Не
умѣютъ они любить и цѣнить не только людей, но и вели-
каго дара Божія — красоту земного рая, въ которомъ они
живутъ и хозяевами котораго они являются.

Дашь ти, Господе єдиний, На рай Твій, Господе, плюють
Сади панамъ въ Твоімъ раю; І намъ дивитись не дають
Дашь високіі палати: З убогої малої хати.
Пани ж неситиі, пузаті,

Получается нѣчто вродѣ того, о чемъ говоритъ по-
словица: „собака сидитъ на снѣгу: і сама не їсть і другимъ не
дає“. Нигдѣ, ни однимъ словомъ поэтъ не обращается къ
крѣпостнымъ владыкамъ съ призывомъ къ любви и мило-
сердію: одного онъ желаетъ и объ одномъ молить Господа
для нихъ—потонуть въ морѣ вызванныхъ ими слезъ и по-
скорѣе освободить отъ своего присутствія земной рай:

А як не бачиш того лиха,
То скрізь здається любо, тихо,
І на Україні добро.
Між горами старий Дніпро,
Неначе в молоці дитина,
Краєується, любується
На всю Україну.
А по-над ним зеленіють
Широкіі села;
А у селах у веселих
І люде веселі.
Воно б, може, так і сталося,
Як би не осталося
Сліду панського в Україні!

И вотъ посмотрите, до чего, въ концѣ концовъ, дохо-
зяйничались эти господа:

Аж страх погано
У тім хорошому селі:
Чорніше чорної землі
Блукають люде; повсихали
Сади зелені; погнили

Біленькі хати, повалились;
Стави бурьяном поросли,
Село неначе погоріло.
Неначе люде подуріли,
Німі на панщину ідуть.

Этотъ узаконенный развратъ души, грубый произволь надъ чужой душой и тѣломъ, презрѣніе права и личности другого, отъ верховъ просасывается туда, въ низы, къ порабощенной братіи и отравляетъ ей душу трупнымъ ядомъ. Люди превращаются въ волковъ, и правъ поэтъ, когда характеризуетъ ихъ словами:

Пливе місяць круглотиць,
І мир перевозданий
Одпочив на лоні ночі.
Тільки ми, Адаме,
Твої чада преступніі
Не одпочиваєм;

До самої домовини
У проспаним раї
Гриземося, мов собаки
За маслак смердячий,
Та тебе ще зневажаем,
Праоче ледачий!..

Гдѣ царствуютъ чисто звѣриные принципы, тамъ не думаютъ о будущемъ, — всѣ живутъ только настоящимъ; здѣсь цѣнятъ въ человѣкѣ только то, что видятъ чувственными глазами; и никогда не заглядываютъ въ душу другого. „Люде, люде!“ восклицаетъ поэтъ:

За шматок гнилої ковбаси
У вас хоч матір попроси,
То оддасте... Не жаль на його,
На п'яного Петра Кривого (помѣщика),
А жаль великий на людей,
На тих мурдованих дѣтей.

Каждый членъ такого общества, какъ настоящей звѣрь, заботится лишь о сытости своего желудка; всѣ его помыслы устремлены на то, какъ бы побольше добра прибрать къ своимъ рукамъ, и онъ стараеть отъ зависти и неудовлетвореннаго стремленія: „виорать на дні моря—поле“. Въ результатѣ — слезы и мученія угнетаемыхъ, виѣшнее благополучіе угнетателей и страшное, чисто звѣриное одиночество человѣка среди толпы подобныхъ ему.

Оттаке то на цім світі	Світ, бач ся, широкий;
Роблять люде лихо!	Та нема де прихилитись
Того вяжуть, того ріжуть,	В світі одиноким.
Той сам себе губить.	Тому доля запродала
А завіщо? Святий знає!	Од краю до краю,

А другому оставила
Те, де заховують.
Де ж ті люде, де ж ті добрі,
Що серце збиралось
З ними жити, їх любити?
Пропали, пропали!..

Но, быть можетъ, страданія забитыхъ, покинутыхъ, угнетаемыхъ рабовъ-бѣдняковъ искупаются наслажденіемъ привилегированнаго властвующаго меньшинства. Въ томъ то и дѣло, что нѣтъ: построенное на страданіи другихъ, счастье господъ—чисто внѣшнее, кажущееся.

Есть на світі доля,	Ні долі, ні волі!
А хто її знає.	З нудьгою та з горем
Есть на світі воля,	Жулан надівають,
А хто її має.	А плакати — сором.
Есть люде на світі,	Візьміть срібло, злото,
Сріблом злотом сяють,	Та будьте багаті,
Здається панують,	А я візьму сльози
А долі не знають,	Лихо виливати.

Подъ дорогой одеждой гноятся неизлѣчимыя раны: заставляя страдать другихъ, сами господа далеки отъ истиннаго счастья. Вѣдь истинное счастье немислимо безъ людей; частичное удовлетвореніе эгоизма даетъ не счастье, а наслажденіе моментомъ; счастье же—длительная сладость души, какъ результатъ любовнаго сліянія съ окружающимъ. Эгоизмъ, какъ принципъ жизни, является источникомъ зла въ общественныхъ отношеніяхъ и, запавъ въ сердце чело-вѣка, приноситъ тамъ обильные плоды; изъ этихъ сѣмянъ вырастаетъ царство неправды и насилія на землѣ. Въ любви коренится правда человѣческихъ отношеній; себялюбіе же рождаетъ ненависть, презрѣніе къ людямъ, поправаніе и даже отрицаніе чужого права на существованіе.

Розбійники, людоїди	Односердне статт
Правду побороли,	За євангеліє правди,
Осміяли Твою славу	За темні люде.
І силу і волю!	Нема кому!!! Боже, Боже!
Люде стогнуть у кайданах,	Чи то ж і не буде?
Немає з ким взятись,	Чи настане великий час
Розкуватись, одностайне,	Небесної карі?

Часто, очень часто приходится поэту взывать къ небу съ укоромъ и мольбой о справедливости: вѣдь теперь:

Кати знущаються над нами,
І правда наша п'яна спить...

Блуждая по мрачнымъ подземельямъ земного ада, поетъ задыхається отъ зловонія разлагающихся душъ; ему, какъ челоуѣку, стыдно за людей, горько и больно смотрѣть на эту ужасную картину:

Бодай не дивитись,	Бодай не казати!
Бо за людей сором,	Бо серце болить!

И это отвратительное зрѣлище на землѣ устроили люди, знающіе ученіе Христа и считающіе себя христіанами. Слова Спасителя о любви и самопожертвованіи застыли на мертвыхъ страницахъ євангелія и не коснулись сердца людей:

По закону апостола	Тай лупите по закону:
Ви любите брата?	Дочці на кожушок,
Суєслови, лицеміри	Жінці на патинки,
Господом прокляті!	Байстриюкові на придане,
Ви любите на братови	Собі ж на те, що не знають
Шкуру, а не душу,	Ні діти, ні жінка!

Въ тоскѣ и отчаяніи поетъ съ воплемъ спрашиваетъ Распятого:

За кого ж Ти розпинався,
Христе, Сине Божий?
За нас добрих? чи за слово
Істини? чи може,
Щоб ми з Тебе насміялись?
Воно ж так і сталося!

Жизнь и повседневныя взаимныя отношенія людей дають страшный отвѣтъ на поставленный ребромъ вопросъ: сдѣлались ли люди лучшими?

Наробив Ти, Христе, лиха;	І своєї крові,
А переиначив	А получчали? Ба де там!
Людей Божих? Котилися	Ще гіршими стали,
І наші козачі	Без ножа і авто-да-фе
Дурні голови за правду,	Людей заковали,
За віру Христову;	Тай мордують... Ой-ой пани,
Упивались і чужої	Пани христіяне!

За двѣ тисячи лѣтъ люди успѣли усвоить только обрядовую сторону христiанства, сердца же не коснулось благовѣстіе:

Храми, капиці і ікони,
І ставники, і мірри дим,
І перед образомъ Твоім
Неутомленній поклони
За кражу, за війну, за кров,
Щоб братню кров пролити, просять,
А потім в дар Тобі ж приносять
З пожару вкрадений покров...

Поэтъ недоумѣваєть, зачѣмъ этимъ quasi-христiанамъ, чуждымъ и непричастнымъ любви, участвовати въ совершеніи святого таинства любви:

..... Не знаю,	Святая кров його!.. Каті!
Для чого справді ми читаєм	Собаки без очей, скажені,
Святую заповідь його!	Ви і не бачите, земні
Честную кров його пьемо,	Бьете поклони, за хрести
Мов у шинкарки меду чарку...	Ховаєтесь од сатани,
О суєслови!.. На жидах?..	І просите з-тиха
Не на жидах, на нас лукавих,	Супостатам христiанам
На дітях наших прелоганих	То чуми, то лиха...

„Погані“, по словамъ поэта, були давній літа“:

Тоді повісили Христа,
Й тепер не втік би Син Марії!

Такъ незамѣтно, крадучись, зло проникло въ зеленія кущи прекраснаго рая, не пожалѣло—подожгло и пре-

вратило его въ груды развалинъ. Мусоръ и пепель покрыли уцѣлѣвшія крупы добра. А на дымящемся пожарищѣ одинокой скорбный поэтъ проливаетъ свои обильныя слезы, заливаешь ими горячую золу, откапываетъ уцѣлѣвшіе обломки — искры добра и, раздувая, хочеть зажечь ими сердца людей. Мрачнымъ привидѣніемъ бродить по дымящимся руинамъ, а за нимъ — толпа спасенныхъ имъ несчастныхъ страдальцевъ. Ожививъ, воскресивъ ихъ силою своего любящаго сердца и своего великаго дарованія, поэтъ не скупится на золото и „бѣлую габу“, чтобы какъ можно лучше одѣть дѣтей своего творчества. И какъ сияютъ и будутъ на вѣки вѣковъ сиять эти страдальцы! Кто не плачетъ слезами несчастной „покрытки“ „Катерини“, на пустынномъ „пляху“ въ зимнюю стужу омывающей слезами „тайный плодъ несчастной любви?“ Кто не плачетъ слезами помѣшавшейся отъ горя матери „Видми“, потерявшей вмѣстѣ съ дѣвичьей честью и обоихъ своихъ дѣтей? Кто не плачетъ слезами матери „Наймички“, только въ послѣднюю минуту рѣшившейся открыть тайну своему сыну? Кто не плачетъ съ Яремой, потерявшимъ свое счастье? съ Гонтой, оплакивающимъ своихъ сыновей? съ Палиемъ, въ тѣсной монастырской кельѣ проливающимъ слезы о гибели Украины? Поэтъ отрывалъ куски отъ своего сердца, кровью и слезами онъ оживотворялъ созданія своей фантазіи: потому то они вѣчно прекрасны и, словно живыя, вызываютъ у читателя породившія ихъ чувства поэта.

Но вотъ траурное шествіе останавливается. Поэтъ падаетъ отъ изнеможенія на окаменѣлыя руины, и „уже не плаче“, говоритъ онъ о себѣ, а „вие совою“. То вѣрное, любящее дитя пускаетъ въ ходъ всю силу своей безпредѣльной любви и могучаго творчества, чтобы изъ-подъ развалинъ извлечь тѣло своей многострадальной матери-Украины, раздавленной тяжестью исторической неправды, сожженной пожаромъ ненависти. Мы подошли къ душѣ поэзіи Шевченка, къ первой и послѣдней любви великаго поэта.

IV.

Смирітєся, молітєсь Богу
 І згадуйтє оди другогю;
 Свою Україну любіть.
 Любіть її... во время люте,
 В останню тяжкую минуту
 За неї Господа моліть.

Кто читалъ „Кобзарь“ Шевченка, тотъ знаетъ, чѣмъ для него была Украина. Одни эпитеты: „вдова“, „мати“, „сиротина“, „ненька“ и множество другихъ—свидѣтельствуютъ о необычайной силѣ и, если можно такъ выразиться, необычайной конкретизации національнаго чувства и сознанія поэта. Едва ли найдется подобный примѣръ среди русскихъ гражданскихъ писателей. Национализмъ Шевченка вообще чрезвычайно любопытное явленіе.

Я понимаю, какъ легко стать націоналистомъ, когда видишь и живешь физическимъ и духовнымъ могуществомъ своей націи, когда другіе народы преклоняются передъ нею не только за страхъ, но и за совѣсть; объяснимо также пробужденіе и обостреніе національнаго сознанія, когда большинство или даже меньшинство сознаетъ свою національность, держится за нее, какъ за якорь спасенія отъ нивеллировки и окончательной гибели и, наконецъ, самоотверженно работаетъ для освобожденія и торжества своего народа,—все это я понимаю и объясняю. Но откуда такая гениальная острота національнаго самосознанія и чувства у бывшаго крѣпостного мальчика, у панскаго лакея, маляра и ученика Академіи Художествъ? Вѣдь, кругомъ царилъ непроглядная тьма крѣпостничества, гдѣ тонули и національные и общечеловѣческіе идеалы. Поэтъ загорается любовью къ своей Украинѣ въ то время, когда всѣ ея истинныя дѣти падали въ ярмѣ рабства, а верхи представлены были или пришельцами, русскими дворянами, или „поганими правнуками“ прежде „славнихъ праддів“, обрусѣвшей козаческой аристократіи. Не эти же господствующіе элементы, не темный, замученный рабствомъ народъ зажгли въ душѣ поэта священное пламя любви къ своей родинѣ? Единственно чѣмъ, по моему мнѣнію, можно объяснить этотъ фактъ, такъ это національною гениальностью поэта.

Гете — великій німецькій поетъ, Пушкинъ — великій русскій поетъ; но у нихъ много общечеловѣческаго, европейскаго и, кажется, больше, чѣмъ національнаго. Поэзія Шевченка не чужда общечеловѣческихъ мотивовъ, но не въ этомъ его геніальность и величіе: онъ великъ своимъ лиризмомъ, а главнымъ образомъ національнымъ колоритомъ своихъ произведеній. Вдумайтесь, господа, въ тѣ его произведенія, гдѣ ему представлялся удобный случай отрѣшиться отъ мѣстнаго колорита, въ его удивительную поэму „Марія“, „Неофіти“. Представьте себѣ мать - „відьму“ изъ поэмы того же названія и несчастную мать замученнаго Неофіта, — вѣдь это двѣ родныя сестры, несмотря на тысячелѣтній межъ ними промежутокъ. Въ поэмѣ „Марія“ во всей обстановкѣ, въ природѣ и людяхъ настолько много Украины, что, въ концѣ концовъ, теряешь увѣренность, гдѣ локализовать дѣйствіе поэмы, въ Палестинѣ или въ Украинѣ. Обратите вниманіе на его юморъ, чисто украинскій, на его эпитеты, на художественные приемы и манеру писанія, и вы увидите, какъ націоналенъ поэтъ, какая близость и родство между его пѣсней и пѣсней украинскаго народа. Шевченко могъ быть великимъ поэтомъ только будучи украинскимъ поэтомъ, и всѣ его попытки писать по-русски кончались довольно плачевно. Такой рѣдкій даръ чисто національной геніальности можетъ жить и процвѣтать не только при благоприятныхъ къ тому обстоятельствахъ, но крѣпнеть, становится все интенсивнѣе въ борьбѣ съ окружающей средой. Источникъ такого націонализма — душа генія; не среда рождаетъ и питаетъ національное чувство Шевченка, но самъ онъ создалъ и до сихъ поръ питаетъ среду, гдѣ культивируется національное сознаніе и чувство украинцевъ. Не у одного изъ насъ „Кобзарь“ Шевченка пробудилъ то, что, по нерадѣнію нашихъ отцовъ и по условіямъ образованія, таилось въ глубинахъ нашего духа. Шевченко есть, именно, поэтъ *начала національнаго пробужденія*; въ этомъ состоитъ его великая заслуга передъ своимъ народомъ и величайшая его слава. Въ началѣ любого процесса (возьмите хоть и процессъ мысли) не всегда можно прозрѣвать и конкретно представлять детали самого процесса. Передъ Шевченкомъ стояла колоссальная задача: поднять изъ глубины духовнаго паденія зажатую въ кандалахъ крѣпостни-

чества національности своего народа. Что могъ поэтъ, при столь тяжелыхъ обстоятельствахъ, прозрѣть для своего народа въ таинственной мглѣ грядущаго-будущаго? Душа его сильна вѣрой въ окончательное торжество поправленной правды, въ духовное возрожденіе даровитой націи. Зато славное прошлое Украины было въ полной власти творческой фантазіи поэта и, читая его „Кобзарь“, невольно заражаешься восторгомъ и благоговѣніемъ поэта передъ прошлымъ родного народа и чувствомъ стыда передъ настоящимъ. Силою своего могучаго дарованія поэтъ въ яркихъ живыхъ художественныхъ картинахъ воспроизводитъ страницы за страницами славнаго далекаго прошлаго, „цѣлющою живущею водою“ своей поэзіи онъ воскрешаетъ умершее. Русскій критикъ К. Чуковский въ фельетонѣ о Шевченкѣ утверждаетъ, что послѣдній выдумалъ свою Украину. „Украина, говоритъ онъ, въ творчествѣ Шевченка то же, что для Соллогуба „Звѣзда Маиръ“, то же, что для чеховскихъ трехъ сестеръ „Москва“, а для Ильды изъ „Сольнеса“— „Апельсинія“. Я не знаю, правъ ли Чуковский, когда художественное воспроизведеніе прошлаго принимаетъ за выдумку, — скажу одно, что Шевченко прекрасно сознавалъ, что онъ дѣлаетъ предметомъ своей любви. И какой еще любви! Послушайте поэта: развѣ можно такъ любить выдумку:

Мені однаково, чи буду	На нашій — не своїй землі.
Я жить в Україні, чи ні,	І не помяне батько з сином.
Чи хто згадає, чи забуде	Не скаже синові: „Молись,
Мене в снігу на чужині —	Молися синові: за Вкраїну
Однаковісенько мені!	Його замучили колись“.
В неволі виріс між чужими	Мені однаково, чи буде
І, неоплаканий своїми,	Той син молитися, чи ні.
В неволі плачучи умру,	Та не однаково мені,
І все з собою заберу,	Як Україну злиї люде
Малого сліду не покину	Присплять, лукаві, — і в огні
На нашій славній Україні,	Її окрадену збудять...

Ох, не однаково мені!

Въ одномъ звукѣ „Україна“ для поэта слилось все наиболѣе для него дорогое, это — „Святая-Святыхъ“ его души; нѣтъ Украины—нѣтъ и Бога въ небѣ:

Я такъ її, я такъ люблю Що прокляну святого Бога,
Мою Україну убогу, За неї душу погублю!..

восклидаєть поэтъ. Въ благовѣйномъ, чисто релігіозномъ
экстазѣ поэтъ повергаєть себя ниць и молить Бога за
свою несчастную мать и весь пылъ вдохновеннаго экстаза
онъ обращаєть на былую, минувшую ея славу. Такъ любя
и моляся Богу за свою Украину, поэтъ приглашаєть къ
этому и другихъ: Годить

Смірітеся, молітеся Богу Любіть її... во время люте,
І згадуйте один другого; В останню тяжкую минуту,
Свою Україну любіть, За неї Господа моліть!

Предоставляю вамъ самимъ судить, какъ много нужно
душевной нѣжности, восторженной любви къ своей Укра-
инѣ, чтобы въ глухой оренбургской степи написать слѣ-
дующіе стихи:

Сонце заходить, гори чорніють,
Пташечка тихие, поле німіе;
Радіють люде, що одпочинуть,
А я дивлюся і серцем лину
В темний садочок на Україну:
Лину, я лину, думу гадаю,
І ніби серце одпочиває.
Чорніє поле, і гай, і гори,
На синє небо виходить зоря,
Ой зоре, зоре! — і сльози кануть.
Чи ти зійшла вже і на Україні?
Чи очі карі тебе шукають
На небі синім? Чи забувають?
Коли забули, бодай заснули,
Про мою долемьку щоб і не чули!

Гдѣ-жъ источникъ этой безпредѣльной любви поэта
къ своей родинѣ? Самъ поэтъ задаєтся этимъ вопросомъ
и затрудняєтся дать на него опредѣленный отвѣтъ:

Для кого я пишу, для чого,
За-що я Вкраїну люблю,
Чи варт вона огня святого?
Бо хоч зостаріюсь затого,

А ще не знаю, що роблю;
Пишу собі, щоб не міняти
Часа святого так-на-так,
Та іноді старий козак
Верзеться грішному—усатий,
З своєю волею мені
На чорнім вóроні-коні.
А більш нічого я не знаю,
Хоч я за це і пропадаю
Тепер в далекій стороні...
Чи доля так отсе зробила?
Чи мати Богу не молилась,
Як понесла мене, що я,
Неначе лютая змія
Розтоптана в степу здихає,
Захода сонця дожидає?..
Оттак-то я тепер терплю,
Та смерть із степу виглядаю...
А за-що? Йй-Богу, не знаю!
А все таки її люблю,
Мою Україну широку,
Хоч я по їй і самотній,
(Бо, бачте, пари не найшов),
Аж до погибели дійшов.

И не задавайте и не настаивайте на рѣшеніи вопроса, почему поэтъ любитъ Украину, какъ любитъ онъ своихъ „наймичок“, „покрыток“, обездоленныхъ матерей и прочихъ несчастныхъ и страждущихъ, которыхъ онъ извлекъ изъ-подъ развалинъ земного рая. Видно самой судьбой ему опредѣлено быть поэтомъ человѣческаго горя, заступникомъ поправленной правды и добра. Какъ „поэтъ Божьей милостью“, онъ безсознательно несъ, мучаясь и терзаясь, возложенное на него бремя, не могъ оторвать глазъ и отвернуться отъ страданія людей и не могъ молчать, когда видѣлъ, какъ вездѣ гибнетъ доброе и процвѣтаетъ злое. Чуткій къ доброму и прекрасному, поэтъ любилъ подмѣчать его тамъ, въ низахъ, подъ „латанями свитинами“ своихъ „наймичок“ и „покрыток“. Глубокое знаніе и проникновеніе въ прошлое своего народа открывало поэту красоты націо-

нального духа, могучаго какъ по ви́шнимъ, такъ и по внутреннимъ проявленіямъ Неумолимый рокъ, какъ вихрь, разсѣялъ бывшее величіе родного края, но мысль о гибели добраго, прекраснаго, да еще въ родномъ народѣ врѣзывается тонкимъ остриемъ въ сердце поэта. Страданіе обостряетъ творческую фантазію поэта и безъ всякаго съ его стороны усилія она рисуесть ему причудливые узоры великолѣпнаго прошлаго:

Аж до моря Запорожці
Степ широкий крили;
Отамани на вороних
Перед бунчуками
Вигравають, а пороги
Між очеретами
Ревуть, стогнуть, розсерди-
[лись,
Щось страшне співають!..
. А тим часом...
Пишними рядами
Виступають отамани,
Сотники з панами
І гетьмани,—всі в золоті...
У мою хатину
Прийшли, сіли коло мене,
І про Україну
Розмовляють—розказують:

Як Січ будували;
Як козаки на байдаках
Пороги минали;
Як гуляли по синьому,
Грілися в Скутарі,
Та як, люльки закуривши
В Польші на пожарі,
В Україну верталися;
Як бенкетували...
.
Отамани на бенкеті,
Неначе на раді
Похожають, розмовляють...
Вельможна громада
Не втерпіла, ударила
Старими ногами;
І я дивлюсь, поглядаю,
Сміюся сльозами...

По словамъ Бѣлинскаго, ви́шнее могущество всякаго народа свидѣтельствуетъ о духовной его мощи. Любя всей душой „червоні жупани“ и художественно воспроизводя величіе казаччины, Шевченко не проглядѣлъ и внутренняго духовнаго богатства украинской народа, скрытаго импульса былого ви́шняго величія. Въ одномъ мѣстѣ Шевченко бросаетъ чрезвычайно цѣнное замѣчаніе: „де нема святої волі — не буде там добра ніколи“. Все очарованіе казаччины для поэта въ томъ и состояло, что, при такомъ соціальному устройствѣ, всюду царила свобода и воля. Теперь же, въ современной поэту дѣйствительности, мѣсто казацкой свободы и равноправія заняло крѣпостничество, казацкій героизмъ и самопожертвованіе смѣнили дикій эго-

нзмъ и страхъ за каждую минуту своего существованія. Вспоминая прошлое Украины, ея славныхъ героевъ и рыцарей, поэтъ восклицаетъ:

Що ті Римляне убогі!	Степом укривалась!
Чорт — зна-що не Брути!..	Кровью вона умивалась,
У нас Брути і Коклеси,	А спала на трупах,
Славні, незабуті!	На козацьких вольних
У нас воля виростала,	[трупах,
Дніпром умивалась,	Окрадених трупах!..
У голови гори слала,	

Въ казаччинѣ поэтъ видѣлъ стремленіе осуществить то, отъ чего въ его время не осталось и тѣни, а именно: устроить „рівну правду“ для всѣхъ, видна была горячая борьба за эту правду или месть за нарушеніе ея:

На всій Україні
Високі могили — усі оттакі:
Начинені нашим благородним трупом,
Начинені туго. Отце воля спить.
Лягла вона славно, лягла вона вкупі
З нами—козаками. Бачиш, як лежить!
Неначе сповита!.. Тут пана немає:
Усі ми однако на волі жили,
Усі ми однако за волю лягли.

Это стремленіе къ „рівній правді“, къ свободѣ, героизмъ при осуществленіи этого стремленія Шевченко видитъ не только въ казаческомъ періодѣ жизни своего народа, но и въ позднѣйшихъ возстаніяхъ крестьянъ на защиту народной свободы или на жестокою месть за ея нарушенія. Поэтъ съ яростью нападаеть на тѣхъ, кто подвергалъ сомнѣнію высокіе, чистые порывы возставшихъ крестьянъ-гайдамакъ. На замѣчаніе Куліша о гайдамакахъ, будто-бы „гайдамаки не воины, — разбойники, воры, пятно въ нашей исторіи!“ поэтъ съ достоинствомъ и негодованіемъ отвѣчалъ:

Брешеш, людоморе!	У ваші кайдани
За святую правду, волю	Народ темний, не заріже
Розбійник не стане,	Лукавого сина,
Не розкуе закований	Не розібіє живе серце
За свою <i>Країну</i> ...	

Казацкій періодъ родной исторіи давалъ поэту обильный матеріалъ для опоезтизованія виѣшняго и духовнаго могущества народа. Какъ рыцарь слова, самъ поэтъ выше всего ставитъ тотъ народъ, духовная мощь котораго обнаружилась въ безсмертныхъ памятникахъ народнаго творчества. Всѣ вы, навѣрно, знаете о вполне заслуженной славѣ украинской народной пѣсни. Бѣлинскій, враждебно настроенный противъ украинской литературы, все-таки не отрицалъ высокаго достоинства народной украинской поэзіи. Чудныя и притомъ разнохарактерныя мелодіи украинскихъ пѣсень вполне гармонируютъ удивительно-художественному и разнообразному содержанию ихъ. Ни одна минута человеческой жизни, ни одно сердечное волненіе не осталось не запечатлѣннымъ въ пѣснѣ. Не даромъ у насъ, украинцевъ, есть оперетты, почти цѣликомъ составленныя изъ народныхъ пѣсень. Кто же другой, какъ не великій украинскій поэтъ, могъ сильнѣе ощущать прелесть этихъ пѣсень. Однѣхъ ихъ поэтъ считалъ достаточнымъ свидѣтельствомъ духовной мощи и талантности породившей ихъ націи.

Пусть все сгинетъ, пусть забудутъ бывшее величіе Украины: украинская пѣсня — „нерукотворный памятникъ“ былой славы творца ея, которому не страшно забвеніе и даже время.

Поэтъ выражаетъ полную свою увѣренность, что эта:

Слава не поляже;	Не вмре, не загине...
Не поляже, а роскаже,	От де, люде, наша слава,
Що діялось в світі,	Слава України!
Чия правда, чия кривда	Без золота, без каменю,
І чий ми діти.	Без хитрої мови,
Наша дума, наша пісня.	А голосна та правдива,
Як Господа <i>слово...</i>	

Всѣ герои прошлаго — казаки, гайдамаки вспахивали великую народную ниву „засивали її своїми благородними кістками“, поливали своею кровью:

Засивали...

І рудою поливали,

Шаблями скородили...

Що ж на ниві уродило? — спрашиваєть поєтъ:

Уродила рута, рута —
Волі нашої отрута...

На тѣхъ славныхъ въ прошломъ мѣстахъ, гдѣ выросло и крѣпло могущество украинскаго народа, гдѣ признательные потомки обыкновенно ставятъ памятники въ честь погибшихъ героевъ, тамъ теперь, по словамъ поета, „німець мудрий картопельку садить“:

А ви її купуете,	Отта земля напоєна,
Їсте на здоровья,	Що картоплю родить?
Та славите Запорожжя.	Вам байдуже, аби добра
А чиєю кровью	Була для городу!

Поєтъ не обманывается относительно будущаго: онъ сознаєть, что внѣшнее величіє Украины никогда не воскреснетъ:

Посіали гайдамаки	Що мусим робити?
В Україні жито,	Нема правди, не виросла;
Та не вони його жали.	Кривда повиває...

Къ днѣпровскимъ порогамъ — этимъ свидѣтелямъ казачкоі славы—онъ обращается съ такими словами:

Ревуть собі, ревітимуть,	А Україна—навѣки,
Їх люде минули:	Навѣки заснула.

И съ каждой страницы „Кобзаря“ Шевченка струится потокъ слезъ, которыми поєтъ оmyваетъ вѣчный сонъ своей родины. Но и при такомъ отчаянномъ положеніи дѣла поєтъ еще не теряетъ надежды на лучшее будущее:

А може тихо за літами,	На Україну, і падуть,
Мої мережані сльозами	Неначе роси над землею,
І долетять коли-небудь	На щире серце молодєє.
Сльозами тихо упадуть...	

Вы сами видите, господа, сколько слезъ и крови вылилъ поєтъ, чтобы воскресить въ памяти людей былую внѣшнюю и духовную мощь своего народа, чтобы вырвать изъ-подъ историческихъ руинъ не успѣвшій распусться цвѣтокъ добраго и прекраснаго. Поєтъ хочеть вѣрить, что настанеть время, когда:

Церква-домовина	І розвіє тьму неволі,
Розвалиться, а з-під неї	Світ правди засвітить,
Встане Україна.	І помоляться на волі

Невольничі діти...

Въ „вільній новій семь“, о которой пророчить поэтъ въ своемъ „Заповіті“, будетъ возстановлена вѣками поправная правда; пройдутъ вѣка и распадутся кандалы совѣсти и челоуѣческой личности, и тогда только воспрянетъ оплакиваемая поэтомъ правда украинскаго народа, заживо погребеннаго капризомъ исторіи-судьбы.

V.

Того-ж батька, такі-ж діти,
Жити б та брататься!
Ні, не вмiли, не хотiли, —
Треба розеднатися!

Однако поэзія Шевченка не была только плачемъ о прошломъ Украины, апофеозомъ этого прошлаго — казаччины. Всѣ эти казацкіе походы, кровавые возстанія гайдамакъ требовали теплоу челоуѣческой крови, — чего было достаточно, чтобы разочаровать добраго и необычайно гуманнаго поэта.

Въ поэмѣ „Гайдамаки“, въ этомъ апофеозѣ мщенія за поправную правду, мы читаемъ такія лирическія строки:

На улицях, на роспуттях	Гірше пекла... А за-віщо,
Собаки, ворони	За-що люде гинуть?
Їдять шляхту, клюють очі,—	Того ж батька, такі ж діти,
Ніхто не боронить...	Жити б та брататься!
Та й нікому: осталися	Ні, не вмiли, не хотiли, —
Діти та собаки;	Треба розеднатися!
Жінки навіть з рогачами	Треба крови, брата крови,
Пішли в гайдамаки.	Бо заздро, що в брата
Оттаке то було лихо	Є в коморі і на дворі,
По всій Україні!	І весело в хаті...

Героизмъ и самопожертвованіе это яркіе блестики могучаго народнаго духа; но все-таки ужасная картина самоистребленія и братоубійства славянскихъ племень является

лишь временнымъ, правда, необходимымъ условіемъ развитія національнаго самосознанія и обнаруженія національной души. Какъ враждебность и злоба во взаимныхъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, такъ и подобный характеръ отношеній одного славянскаго племени къ другому—явленіе ненормальное и печальное; за ними поэтъ прозрѣваетъ лучшее будущее и молится за осуществленіе своей розовой мечты:

Щоб славяне усі стали
Добрими братами,
І синами сонця правди,
І еретиками,

Оттакими, як Констанський
Еретик великий:
Мир мирові подарують
І славу во віки!

Насколько близка и дорога была Шевченку мечта о возстановленіи братскаго единенія между славянскими племенами, свидѣльствуютъ его стансы ученому чеху-славянину Шафаріку.

Слава тобі, любомудре,
Чеху-славянине,
Що не дав ти потонути
В німецькій пучині
Нашій правді! Твоє море
Славянське, нове,
Затога вже буде повне;
І попливе човен

З широкими вітрилами
І з добрим кормилом,
Попливе на вільнім морі,
На широких хвилях.
Слава ж тобі, Шафаріку,
Во віки і віки,
Що звів еси в одно море
Славянськї ріки.

Вотъ о чемъ мечтаетъ поэтъ! Однако онъ не могъ забыть, что для окончательнаго торжества славянской идеи каждое племя должно пройти положенный ему путь національнаго развитія и тогда пусть текутъ „в одно море славянськї ріки“.

VI.

Єсть карії очі,
Як зіроньки сяють,
Білі рученята
Мліють, обнімають;
Єсть серце єдине,
Серденько дівоче,
Що плаче, сміється,
Як він того хоче.
Що плаче, сміється,
І мре, й оживає,
Святим духом серед ночі
По-над ним вітає.

Но, вѣдь, когда это будетъ? А теперъ „течуть ріки, кровавіі ріки“. Царство зла ширится, все уже и уже сдвигаются рамки индивидуальности, глубже и глубже каждый зарывається въ пещеру своего эгоизма, шире и бездоннѣе становится пропасть между людьми. Гдѣ же кроется величайшая святѣня челоѣческой души — любовь? Какъ нѣтъ на свѣтѣ челоѣка, который бы не отдалъ дани этому чувству, такъ не было, кажется, поэта, который не коснулся бы этого чувства въ своихъ произведеніяхъ. Геніальный знатокъ челоѣческой души, Шевченко неоднократно пріоткрываєть завѣсу къ ея тайникамъ и читатель созерцаєть тѣ глубины, гдѣ зарождаются все чувства, всякое душевное волненіе. Его пониманіе чужого страданія, его проникновеніе въ темную, ночную область нашей души, дѣлаєть изъ него виртуоза въ изображеніи этихъ чувствъ. Припомните только, какъ мастерски поэтъ рисуєть отчаяніе „Катерини“, очутившейся въ зимнюю стужу на распутьи съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ, любовную тоску „Сироти Яреми“ и удивительное, по тонкости поэтического чутья, изображеніе сумасшедшей въ поэмѣ „Відьма“. Эта глубина и сила проникновенія въ челоѣческую душу особенно сильно сказывается въ любовной лирикѣ Шевченка. Послѣднія тѣмъ больше должна насъ интересовати, что дѣйствующіе лица его произведеній—люди простые, совершенно чуждые цѣлаго лѣса декораций, которымъ обставляется любовь у интеллигента. Посмотримъ же, какъ чистъ и бездонно глубокъ неизсякаемый источникъ любви у убогихъ героевъ и героинь Шевченка.

Интересно прежде всего отмѣтить высоко интеллигентный взглядъ поэта на права мужчины и женщины, какъ существъ совершенно разноцѣнныхъ и равноправныхъ по своей духовной сущности. Объ этомъ громко кричитъ почти каждая страница „Кобзаря“. Для обоихъ сторонъ — мужчины и женщины — любовь не флиртъ, не праздная забава, а естественное и потому святое великое стремленіе одного равнаго къ другому такому же, столь же сладостное, какъ и необходимое. Почему одинъ или одна выбираетъ себѣ другого — это тайна, коренящаяся во мглѣ необходимости; и поэтъ не совѣтуетъ подвергать анализу голосъ Эроса но, бросивъ всякія размышленія, слѣпо и безпрекословно идти по его зову:

Не знайте дівчата!	Поки закопають!
Не питайте свою долю!	Кохайтесь ж, любіться,
Само серце знає,	Як серденько знає.
Кого любити: нехай вяне,	

И какъ бы въ отвѣтъ на этотъ призывъ поэта одна изъ его героинь говорить:

Полюбила стан високий	Полюбила, як уміла,
І карії очі,	Як серденько хоче.

А сердце идетъ, куда его влечетъ тайный голосъ бога любви, и не разбираетъ, кто этотъ избранникъ — богатый, бѣдный, панъ или батракъ:

Диво дивнее на світі	Та так тяжко забажає,
З тим серцем буває:	Що хоч на край світа
У-вечері цурається,	Шукать піде...
В-ранці забажає.	

Какъ могучъ голосъ любви, какъ сильно и непреодолимо это любовное влеченіе!

А ще й досі, чи роблю що,	Чого думаю, чого я
Чи то так гуляю,	У той гай ходила,
Усе думаю про його,	І за-що його так довго,
І сама не знаю,	Так тяжко любила.

Такъ исповѣдуется дѣвушка, обманувшаяся въ своихъ любовныхъ мечтахъ. Совершенно чуждыя до первой встрѣчи

другъ другу лица съ момента пробужденія любовнаго влеченія становятся близкими, родными, столь дорогими одно для другого, что естественная привязанность и любовь къ родителямъ отступаетъ у влюбленныхъ на задній планъ:

Полюбила, як уміла,	Молилась в неволі, —
Як серденько хоче,	Ні, бабусю, а за його,
Не за себе, не за батька	За милого долю, —

говорить скрившаяся въ монастырѣ героиня „Гайдамак“ Оксана. А въ великолѣпномъ стихотвореніи „Три шляхи“ поэтъ приводитъ въ чисто народномъ духѣ и въ то же время высокохудожественную параллель, какъ отразилось безслѣдное исчезновеніе трехъ молодыхъ казаковъ на матери, любящей женѣ и любящей дѣвушкѣ. Печаль „дівчини“ оказалась глубже печали матери и жены: одна она запечатлѣла свою тоску смертью. Смерть—обычная развязка неудачной или разбитой любви въ поэзіи Шевченка. Кто отдаетъ свою душу другому, а этотъ другой умираетъ, тотъ теряетъ свою душу со смертью этого другого. Если хотите знать, какъ крѣпки и какъ тѣсны узы любви у героевъ Шевченка, то послушайте любовный шопоть „Марьяни“ на свиданьи со своимъ „Петрусьомъ“:

На мову Петрову	Оттак, серце, обнімимось,
Въ глухій домовині	Оттак поцілую!
Усміхнуся, скажу йому:	Нехай вкупі заховують...
„Орле сизокрилий!	Умру — не почую...
Люблю тебе й на тім світі,	Не почую...“
Як на сім любила.	

Или удивительно художественную и колоритную пѣсню-мольбу несчастной дѣвушки, забравшейся ночью „посадить калину“ на могилѣ своего милого:

Пошли, Боже, дощі вночі	І сама прилину,
І дрібні роси,	І будемо щебетати
Щоб калина прийнялася,	З милим на калині.
Розпустила віти:	Будем плакати, щебетати,
Може пташкою прилине	Тихо розмовляти,
Милий з того світа.	Будем в-купочці у-ранці
Зовью йому кубедечко	На той світ літати...

Три года ходила „дівчина“ на могилу свого милого три года бережно и любовно ухаживала и поливала принявшуюся „калину“. Въ послѣднюю для нея ночь она съ горькими слезами „плаче-розмовляє“ съ калиною.

Широкая, високая	Зневажають червоную
Калино моя!	Калину мою.
Не водою до схід сонця	Повий мою головоньку
Поливанаая!	Росою умиь,
Широкиї слъози-ріки	І вітами широкими
Тебе полили,	Од сонця закрой!
Іх славою лукавою	В-ранці найдуть мене люде,
Люде понесли,	Мене осміють;
Зневажають подруженьки	Широкиї твої віти
Подругу свою,	Діти обірвуть...

Священное неугасаемое пламя любви загорается въ сердцѣ убогой крестьянки, живительная теплота этого пламени перекидываетъ мостъ черезъ мертвенный холодъ трупа къ потустороннему міру, и любовь — у такъ любящихъ — сильнѣе смерти.

Откуда же такая сила тяготѣнія одного къ другому у людей раньше совершенно чуждыхъ другъ къ другу? Обратите вниманіе, господа, какой глубокой отвѣтъ даетъ поэтъ, вложивъ въ уста томящейся безъ взаимности дѣвушки такую страстную рѣчь:

Нащо мені коса-краса	Тяжко тобі битись
Очі голубині,	Одинокому! З ким жити,
Стан мій гнучий... коли нема	З ким, світе лукавий,
Вірної дружини,	Скажи мені... Нащо мені
Немає з ким полюбитись,	Тая слава!.. слава...
Серцем поділитись...	Я любить, я жити хочу
Серце мое! Серце мое!	Серцем — не красою...

Уже этихъ строкъ достаточно, чтобы уловить лейтъ-мотивъ любовной лирики Шевченка. Одинокъ, страшно одинокъ человекъ въ обществѣ себѣ подобныхъ. Разрозненные сидятъ люди въ пещерахъ своего эгоизма, а все-таки человекъ не можетъ жить только собой. Какъ тѣло въ воздухѣ и питаніи, душа человекъ нуждается въ общеніи съ другими. Въ этотъ мрачный періодъ человѣческихъ

отношеній, когда пропасть между индивидуальностями увеличивается вглубь и вширь,—тайное, непостижимое любовное влеченіе перекидываетъ мостъ черезъ зіяющую пропасть, и происходитъ величайшее изъ чудесъ—претвореніе двухъ разъединенныхъ бездной сознаний въ единое. Любовная лирика Шевченка привела меня къ одной чрезвычайно интересной мысли; боюсь только, чтобы она не показалась для васъ слишкомъ смѣлой. Поэтъ видѣлъ, что жизнь все болѣе и болѣе субъективируется, пропасть между людьми все увеличивается. Любовное влеченіе, тяготѣніе пола къ полу—это единственно, что противилось и противится крайней индивидуализации; оно заставляетъ человѣка хоть на время забыть себя, дѣлаетъ его способнымъ на подвигъ и самопожертваніе. Отсюда любовное влеченіе является зародышемъ всѣхъ прочихъ альтруистическихъ чувствъ, какъ это утверждаетъ въ своемъ „Оправданіи добра“ В. Соловьевъ. Врожденный человѣку социальный инстинктъ, потребность людей быть въ общеніи съ душами другихъ людей въ первые моменты своего осуществленія принимаетъ исключительно половую окраску. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ часто приходится видѣть истинныхъ друзей, душевныя узы которыхъ крѣпки и несокрушимы. По собственному опыту вы знаете, господа, какъ трудно сойтись съ человѣкомъ. А вѣдь нѣжные взгляды мужчины на женщину и женщины на мужчину, совершенно чуждыхъ другъ другу, — явленіе столь обычное и часто повторяющееся, что о немъ нечего и распространяться. Объяснять это тяготѣніе пола къ полу одной физиологіей — это значитъ быть не особенно требовательнымъ въ пониманіи столь важнаго факта. Я лично думаю, что въ любовномъ влеченіи мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ могущественныхъ и изначальныхъ факторовъ осуществляемаго въ историческомъ процессѣ будущаго единства людей.

Природа подхватила это влеченіе человѣка къ человѣку и эксплуатируетъ его, придавъ ему чисто половой колоритъ, пользуется имъ какъ могучимъ стимуломъ распространения человѣческаго рода. Но это не значитъ, что съ рожденіемъ оканчивается интенсивность организующей, объединяющей людей міровой силы. Вѣдь и въ специфически любовномъ влеченіи сила въ самомъ влеченіи, а не

въ его реализаціи: отсюда вѣчная любовная жажда, неудовлетворенность, непрестанное томленіе и исканіе. Я прошу васъ, господа, обратить вниманіе на чрезвычайно важное явленіе: сравните поэзію древнюю и новую, и вы увидите, какъ велика межъ ними разница. Въ творчествѣ древнихъ поэтовъ любовь почти не играла роли или чисто эпизодическую, незначительную,—теперь рѣдкое лирическое созданіе не приправлено любовью, а романъ сталъ синонимомъ любовной волокиты. Значить, только теперь поняли всю важность и роль любовнаго влеченія, какъ примитивнаго обнаруженія соціальнаго инстинкта, поняли это и начали усиленно его культивировать. Любовная лирика Шевченка въ этомъ отношеніи явленіе чрезвычайно поучительное. Вдумайтесь въ страстный шопотъ любящихъ и любимыхъ героевъ и героинь нашего поэта; провѣрьте, много ли специфически полового въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Вы уже слышали исповѣдь-стонъ красавицы-гордячки, ея страстное желаніе найти себѣ, одинокой, любимаго и любящаго друга, безъ котораго и жизнь становится въ тягость. Не о страстныхъ лобзаніяхъ, жаркихъ объятіяхъ и другихъ прелестяхъ любовнаго свиданія мечтаетъ та же Оксана,—нѣтъ: въ приливѣ откровенности она шепчетъ:

О Боже мій милий! —
 Він сирота, — хто без мене
 Його привітає?
 Хто про долю, про недолю,
 Як я, роспитає?
 Хто обійме, як я його?
 Хто душу покаже?
 Хто сироті убогому
 Добре слово скаже?..

Это — женщина, скажете вы; въ дѣвственной любви ея много нѣжности и альтруизма вообще.

А вотъ передъ нами недавній „жидівський наймит“ Ярема, а затѣмъ страшный гайдамака, страшный мститель за вѣковое угнетеніе и порабощеніе. Съ „сяченим ножем“, какъ бѣшеный волкъ, носится онъ по трупамъ враговъ въ погонѣ новыхъ и новыхъ жертвъ. Ярема весь утопаетъ въ крови а посчитайте, сколько разъ онъ, какъ дитя, пла-

четь, когда очутится въ обществѣ любимой женщины *).
Чуть выскочивъ изъ кроваваго ада, Ярема уже не тотъ:

Всі танцюють, а Галайда **)	І золото і слава е...
Не чує, не бачить.	Та нема Оксани.
Сидить собі кінець стола,	Ні з ким долю поділити,
Тяжко, важко плаче,	Ні з ким заспівати;
Як дитина. Чого б, бач-ся?	Один, один сиротою
В червонім жупані,	Мусить пропадати!..

Нынѣшніе опытные дѣятели любви, навѣрное, усмѣхнутся на эти мысли героявъ Шевченка. О другомъ мечтаеть теперь влюбленный, инья желанія обуреваютъ его волнующуюся душу. Межъ тѣмъ самыя опасныя для этики моменты изъ свиданій влюбленныхъ Шевченко проводитъ съ такой чистотой и задушевностью, какой мнѣ не приходилось встрѣчать ни у одного поэта. Это не значить, что влюбленные у Шевченка не обнимаются и не цѣлуются; напротивъ, они цѣлуются и обнимаются... до потери сознания; но ихъ объятія и поцѣлуи чисты и непорочны, какъ поцѣлуй и объятія сестры и матери.

Въ поэмѣ „Сотник“ влюбленную парочку поэтъ прямо называетъ „святыми ангелами“:

У садочок	Стали собі,
Вийшли погуляти,	Та й дивляться
У-двох собі похожають.	Одно на другого.
Мов ті голубяга	<i>Оттак ангели святії</i>
.	Дивляться на Бога,
Там коло тополі	Як вони одно на друге...

Поэтъ чистой совѣсти и неразвращеннаго воображенія, Шевченко проникалъ въ кристально-чистый источникъ любви, и въ глубинѣ любящихъ сердець онъ открывалъ тѣ таинственныя жилы, черезъ которыя пополняется источникъ любви. *Первая живительная струя изъ этихъ жилъ, — любовное влеченіе; оно является первымъ этапомъ въ дѣятель-*

*) Особенно преуспѣлъ въ этомъ подсчитываніи въ своемъ фельетонѣ о Шевченкѣ К. Чуковскій, вообще не превзойденный въ этомъ отношеніи русскій критикъ.

**) „Галайда“ — прозвище Яремы.

ности мірового фактора, творящей и организующей силы природы, приводящей къ единству формы физическіе элементы и направляющей къ тому же элементы духа — разрозненныя индивидуальныя сознанія. Шевченко прозрѣваетъ міровую роль любви, знаетъ ея оправданіе въ міровомъ процессѣ и не обольщается ея временной половой окраской. Отъ чистаго любящаго сердца онъ оставляетъ женщинамъ завѣтъ, достойный его великаго имени:

Любітесь, дівчаточка, весною:
 На світі є кого любити
 І без користи; молодою,
 Пренепорочною, святою
 В малій хатині буде жити
 Любов та чистая, буде
 Святий покой ваш стеретти
 І в домовині. . .

На своемъ личномъ опытѣ Шевченко убѣдился, какія непреодолимо трудныя препятствія ставитъ жизнь при устроеніи личнаго счастья. Любящіе любовью, побѣждающей даже смерть, герои и героини Шевченка рѣдко наслаждаются продолжительнымъ счастьемъ. К. Чуковский въ своемъ фельетонѣ справедливо подчеркиваетъ „покинутость“ разбитыхъ сердецъ и несчастно любящихъ въ поэзій Шевченка, но онъ совершенно не коснулся вопроса о причинахъ этой „покинутости“. Протекая черезъ загрязненную почву человѣческаго эгоизма, кристально чистый источникъ любви становится мутнымъ или даже совершенно гибнетъ въ топкой грязи человѣческаго существованія. Рѣдко, какъ рѣдко въ роскошную благоухающую свѣжесть земного рая не ворвется пламя земного ада! рѣдко любящіе осуществляютъ охватившее ихъ влеченіе другъ къ другу: подышавъ нѣсколько мгновеній свѣжестью земного Эдема, влюбленные часто навсегда лишаются его.

Окончательное торжество любви Шевченко видитъ въ материнскомъ чувствѣ. Предѣльная точка любви и самопожертвованія опредѣляется словами евангелія: „Люби ближняго, какъ самого себя“. Материнское чувство и есть любовь самого себя, своей плоти и крови въ другомъ—ребенкѣ; въ немъ организующая сила природы находитъ себя, и

окончательно освобождается отъ специфической половой окраски. Любящее сердце матери—это второй этапъ въ дѣятельности организующей силы природы, съ котораго уже начинается торная дорога къ единству и гармоніи человѣческихъ отношеній; мать — это символъ грядущаго торжества любви и правды на землѣ. Шевченко гениально прозрѣлъ великую роль материнства; лучшія страницы его „Кобзаря“— сплошной гимнъ матери съ младенцемъ на рукахъ. Его любовь къ матери переходитъ въ благоговѣніе и даже обожаніе: въ поэзіи Шевченка мы находимъ „культъ матери“. Замѣчательно то обстоятельство, что всѣ его „покрытки“ тѣмъ и хороши для поэта, за то, именно, онъ такъ горячо ихъ любитъ, что онѣ—матери, что на рукахъ у нихъ маленькое, несчастное, безпомощное существо. Пусть другіе плюютъ, издѣваются надъ такими матерями, пусть надъ ними виситъ проклятіе и ненависть всѣхъ, даже отца и матери, — это не мѣшаетъ поэту молиться передъ ея много-страдальнымъ образомъ, какъ передъ святыней:

У нашім раї, на землі,
 Нічого кращого немає,
 Як тая мати молодая
 З своїм дитяточком малим.
 Буває, іногді дивлюся,
 Дивуюсь дивом, і печаль
 Охватить душу; стане жаль
 Мені її, і зажурюся,
 І перед нею помолюся,
 Мов перед образом святим
 Тієї матері святої,
 Що в мир наш Бога принесла.

Вся удивительная его поэма „Марія“ является акантономъ передъ образомъ матери матерей — Дѣвы Маріи. Но въ чаду земного ада не всякая мать—святыня. На кладбищѣ человѣческихъ идеаловъ вмѣстѣ съ другими покоится попанная святыня материнства; немало труда стоило поэту достать ее изъ-подъ развалинъ и создать новый неразрушимый пьедесталь для лучезарнаго образа матери.

Такъ незамѣтно зло ворвалось въ прекрасный Эдемъ и произвело тамъ страшное опустошеніе. Исчезли роскошно-

густыя тѣни, сгорѣли прекрасныя цвѣты, высохли рѣки, текуція молокомъ и медомъ, а на мрачномъ пепелищѣ скорбный поэтъ „ділющою і живучою сльозою-словом“ оплакиваетъ „потерянный рай“ и силой своей безмѣрной любви воскрешаетъ погребенныя святыни къ новой жизни.

VII.

Характеризуя поэта и его творчество, Шевченко замѣчаетъ, что мы, читая созданія истиннаго поэта, „оживаем і чуем Бога в небесах“. Спросимъ себя, господа: при чтеніи твореній великаго поэта Шевченка оживаетъ ли наша душа и чувствуетъ ли она въ себѣ присутствіе Высшей Силы? самъ поэтъ, подымаясь на крыльяхъ своей могучей фантазіи въ горнія высоты, видитъ ли тамъ сіяніе Божественной славы?

На всѣ эти вопросы въ поэзіи Шевченка трудно найти опредѣленный отвѣтъ. Шевченко поэтъ въ высшей степени искренній; его вдохновенный взглядъ проникаетъ въ тайники чужой души, но прежде всего онъ подмѣчаетъ сокровенныя изгибы собственной. Чистому сердцу не трудно и не страшно передъ всѣмъ міромъ исповѣдываться въ затаенныхъ своихъ мечтахъ и волненіяхъ. Религіозный же опытъ вѣрующаго человѣка свидѣтельствуешь, что потокъ религіознаго чувства въ душѣ вѣрующаго то изсякаетъ, то вновь приливаетъ могучей волной. Религіозность была канвой великой души нашего поэта. „Религіознѣйшей его натурѣ среди всѣхъ явленій міра во что бы то ни стало необходимо было одно такое, которому онъ бы отдалъ всю свою нѣжность и свои молитвы и всю свою гениальную способность обожать“, характеризуетъ поэта критикъ Чуковский. Однако потребность вѣры и глубокая религіозность поэта еще не обуславливали самаго предмета и самаго характера и устойчивости его вѣры. Для насъ особенно интересно наблюдать „борьбу дьявола съ Богомъ“ въ душѣ поэта: вѣдь поле битвы — сердце великаго изъ людей. Рядомъ цитатъ вы можете, какъ дважды два—четыре, доказать, что Шевченко не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ вѣрилъ въ Бога:

Ми віруєм Твоїй силі
І духу живому:
Встане правда, встане воля,
І Тобі одному
Поклоняться всі язики
Во віки і віки...
А поки що — течуть ріки,
Кроваві ріки!..

Поетъ не только самъ искренно вѣрить въ Бога, но и другихъ зоветъ вѣрить и молитися Ему:

„Годіть, смирітєся, молітєсь Богу і згадуйте один другого; свою Україну любіть; любіть її во время люте... в останню тяжкую минуту за неї Господа моліть!“

Но уже въ одномъ изъ искреннѣйшихъ своихъ произведеній „Заповіті“ мы наблюдаемъ гигантскую боротьбу въ душѣ поэта двухъ встрѣчныхъ валовъ: волны глубокой вѣры и надежды на Бога наскакиваютъ и разбиваются о камень категорическаго отрицанія Его:

Як понесе з України	Все покину і долину
У синєє море	До самого Бога
Кров ворожу, оттоді я	Молитися. А до того —
І лани і гори —	Я не знаю Бога!

Волны вѣры и невѣрія бурлять и пѣнятся въ душѣ поэта и заставляють его то молитися Богу, то проклинать Его:

Простіть, високиї, мені,
Високиї і голубиї,
Найкращі в світі, найсвятій!
Простіть, я Богу помолюсь!..
Я так її, я такъ люблю
Мою Україну убогу,
Що прокляню святого Бога,
За неї душу погублю!..

Какъ же примирить это противорѣчіе въ душѣ поэта, да и возможно ли какое-либо примиреніе? Въ предыдущей и только что приведенной цитатѣ проглядываетъ истинная причина отлива вѣры и прилива въ душу поэта могучей

волны безвѣрія и скептицизма. Дальнѣйшіе краткіе отрывки окончательно рѣшаютъ вопросъ:

Чи бачить Бог із-за хмари
Наші сльози — горе?
Може й бачить, та помага,
Як оттіи гори
Предковичні, що політі
Кровію людською!..

Описывая въ поэмѣ „Княжна“, какъ „наш брат хуторянин показав себе в Парижі і иному краі“, поэтъ терзается и, какъ праведный Іовъ, вопіетъ:

А Бог? Ні, не знае, бо се було б диво,
Щоб чути і бачить, і не покарать! —
Або вже аж надто довготерпеливий!..

Созерцаніе страданія и горя людского мутитъ кристально-чистый потокъ религіознаго чувства поэта. Зло такъ сильно, такъ широко разливаются его гигантскія волны; а Богъ не можетъ, или не хочетъ, безразличень, или безсиленъ сдержатъ бушующія волны зла, подъ которыми гибнетъ все, что прекрасно, что радостно въ мірѣ. Сомнѣніе, прокравшись въ мятущуюся душу поэта, подтачиваетъ зеленое, еще не окрѣпшее древо вѣры. Сначала чуть слышится и едва замѣтна тайная работа этого паразита въ душѣ поэта, и онъ шепчетъ:

І все то те лихо, все, кажутъ, од Бога!
Чи вже ж Йому любо людей мордувать?!

Скоро сказывается результатъ этой разрушительной работы. Наполовину подточенное древо вѣры скрипитъ, и поэтъ бросаетъ Всевышнему горькій упрекъ:

Бо без Твоеї, Боже, волі
Ми б не нудились в раї голі!
А може й сам на небеси
Смієшся, Батечку, над нами,
Та може радишся з панами,
Як править миром?!..

Налетаеть шкваль, раздаеться оглушительный трескъ
падаетъ еще зеленое, нераспустившееся дерево вѣры, и
поэтъ съ тяжелой душевной болью обращаетъ къ ушед-
шему изъ его души Богу — Всевидящему Оку:

А Ти, Всевидящее Око!
Чи Ти дивилося з-висока,
Як сотнями в кайданах гнали
В Сібір невольників святих,
Як мордували, розпинали
І вішали?! А Ти не знало?!
А Ти дивилося на них
І не осліпло! Око, Око!
Не дуже бачиш Ти глибоко,
Ти спиш в киоті...

„Не Бога я отрицаю, а міра Его не принимаю“, гово-
рить въ трактирѣ Иванъ Карамазовъ своему брату Алешѣ.
И вся колоссальная, загадочная фигура Ивана является во-
площеніемъ титанической борьбы вѣры въ Бога, какъ
Творца міра, и отрицанія Его, какъ Промыслителя. О томъ
же вопіеть несчастный, пораженный проказой праведный
Іовъ. Столкновеніе метафизической религіозной проблемы
съ проблемой этической — вотъ одинъ изъ проклятыхъ во-
просовъ, которымъ навсегда суждено волновать умы вели-
кихъ и малыхъ людей. Шевченко въ теченіи своей много-
страдальной жизни мучился роковымъ противорѣчіемъ на-
шего разума, требующаго, съ одной стороны, признанія
Бога, какъ Творца міра, и отрицающаго Бога-Промысли-
теля при взглядѣ на торжество зла. Поэтъ падаетъ, пре-
клоняетъ свои колѣни передъ Всевышнимъ, и въ то же
время онъ не можетъ оторвать своихъ очей отъ кладбища
человѣческихъ идеаловъ и надеждъ. Изъ-подъ развалинъ со-
жженного рая поднимаются столбы дыма и праха, черной тучей
становятся они между поэтомъ и Богомъ, и не удивительно,
что, потерявъ надежду увидѣть Его, онъ теряетъ и самую
вѣру въ Него. Правъ, отчасти, тотъ же К. Чуковский,
когда говоритъ, что „Богъ нуженъ Шевченку ровно на-
столько, насколько Онъ нуженъ покинутой Украинѣ, поки-
нутымъ женщинамъ, а самъ по себѣ ни разу не заинтере-
совалъ великаго поэта. Шевченко опредѣлялъ Бога только

но отношенію къ различнымъ „Катеринам“ и святымъ берегамъ „Дніпра“. Дѣйствительно, для Шевченка идея Бога не исчерпывается одной идеей Творца міра; какъ поэтъ дѣятельной любви, Шевченко не можетъ отдѣлать Творца отъ созданнаго Имъ міра и разсматривать Его подъ угломъ торжества Его силы въ этомъ мірѣ. Какъ Творецъ, Богъ существуетъ—въ это глубоко, „по-мужичому“ вѣрить поэтъ; но, какъ Промыслитель, Богъ будетъ—во что онъ еще болѣе вѣрить и страстно надѣется на осуществленіе своей вѣры. Рожденіе Бога, твореніе соборно всѣмъ человечествомъ Бога-Промыслителя о правдѣ земной — вотъ сладкія грезы поэзіи Шевченка. Въ абстрактной своей сущности мысль о воплощеніи Бога на землѣ и устроеніи царства Божія — центральная мысль христіанства. Однако разница между евангеліемъ и мечтой поэта громадная. Христіанскій путь спасенія — путь сверху внизъ: Богъ сошелъ съ неба на землю и посылаетъ свою благодать для осуществленія Царства Божія на землѣ; а у Шевченка человекъ одинокъ въ борьбѣ со зломъ; настанетъ время, когда люди сами выдвинутъ изъ своей среды „апостола правды“ и любви, и своими силами, полнымъ духовнымъ перерожденіемъ преобразуютъ міръ, оснуютъ царство Божіе на землѣ, и Богъ земли станетъ Богомъ неба. Торжество любви и правды на землѣ — вотъ несокрушимый, вѣчный тронъ навсегда воплотившагося, или точнѣе — воплощеннаго на землѣ Бога.

VIII.

Мені ж, мій Боже, на землі
 Подай любов, сердешний рай,
 А більш нічого не давай!

Неистошимо богаты и разнообразны краски творческой фантазіи великаго поэта, когда въ минуту вдохновенія онъ налагаетъ идеальный міръ творческихъ образовъ на окружающій его міръ природы, когда онъ возвращаетъ землѣ давнымъ давно „потерянный рай“. Еще ярче, кажется, блещутъ краски его творчества, еще стремительнѣе мчится потокъ вдохновенія, когда поэтъ „цілющою і живучою водою“

кропить пожарище и изъ-подъ тлѣющихъ развалинъ спасаетъ драгоцѣнныя крупы добра, когда кровью и слезами онъ живописуетъ мрачное подземелье ада. Какъ же быть „тому, кто все знает, тому, кто все чувствует“ съ этими двумя, столь непохожими другъ на друга, дѣтищами его творческой фантазіи—раемъ и адомъ на землѣ? Не отвернуться ли отъ послѣдняго и парить въ облакахъ своей мечты, не лучше ли изрѣдка спуститься на землю и, вдохновившись красотой природы, получивъ притокъ свѣжихъ силъ, снова умчаться въ высь, какъ это дѣлалъ великій Пушкинъ. Или, наоборотъ, летѣть, какъ мотылекъ, въ чадъ и дымъ земного ада, лишь изрѣдка оглядываясь на покинутыя зеленыя тѣни райскихъ полей. Но развѣ не подстерегаетъ такого смѣльчака судьба несчастнаго Лермонтова! Что такое для Шевченка поэтъ и поэзія,—мы знаемъ. Поэтъ—пророкъ всегда ожидаемаго Мессіи, проповѣдникъ любви и правды на землѣ. Какая-то высшая сила наполнила добромъ пылкое сердце поэта, а „раз добромъ налите сердце в вѣк не прохолонет“ — исповѣдуется поэтъ. И никто не посмѣетъ ему бросить упрекъ, что говорилъ онъ такъ, а поступалъ иначе. Прекрасно сознавая свою миссію, онъ неоднократно взываетъ къ избранному его Провидѣнію:

...Ні, вже мабуть
Я не сховаюсь
І на небі! За-що ж кара?
За-що ж мені муки?
Кому я що заподіяв?
Чий тяжкі руки
В мене душу закували,
Серце запалили
І галичі силу —
Думу розпустили?
За-що, не знаю, а карають.
Коли діжду краю?
Не бачу й не знаю...

Стонетъ „поэтъ Божьей милостью“, стоя предъ алтаремъ бога поэзіи. Кровью своего сердца и слезами изъ глазъ онъ кропитъ алтарь и не можетъ (пусть даже захочетъ) снять съ себя тяжелое бремя—быть жрецомъ Аполлона. Никакіе скорпіоны не могли вырвать изъ рукъ поэта

священнаго жреческаго жезла; тѣмъ паче не могъ онъ превратить свое великое дарованіе въ средство самоуслажденія. Я раньше подчеркивалъ, какъ часто Шевченко прибѣгаетъ къ своему удивительному эстетизму, чтобы читатель, даже слѣпой въ поэзіи, замѣтилъ кровавое зарево ада. Шевченко родился въ страданіи, до дна испилъ чашу зла за свою недолгую жизнь, и потому онъ не только не можетъ, но и не хочетъ отвернуться отъ несчастья, горя и страданій людей:

Не дай спати ходячому,
Серцем замірати
І гнилою колодою
По світі валятись,
А дай жити, серцем жити
І людей любити...

молится поэтъ. На этотъ разъ Богъ услышалъ горячую молитву поэта, ибо самъ онъ признается:

Серце людей полюбило
І в людях кохалось;
А вони його вітали,
Гралися, хвалили...

Безмѣрная любовь къ людямъ, глубокая сердечная привязанность и неистощимая нѣжность къ другому, особенно къ униженному и оскорбленному — вотъ какими негнѣнными узами поэтъ связанъ былъ съ человѣческимъ горемъ. Раздробленному и разъединенному злобой и ненавистью люду Шевченко противопоставляетъ великую связующую силу любви и нѣжности своего „налитого добромъ“ сердца. До послѣдняго вздоха поэтъ вѣрилъ, что когда-либо придетъ на землю „апостоль правды, любви и науки“ и зажжетъ священнымъ огнемъ любви сердца людей, и въ одномъ любовномъ порывѣ на прежнемъ пепелищѣ они сами насадятъ прекрасный Эдемъ! Самую трудную, самую отвѣтственную роль въ великомъ дѣлѣ грядущаго обновленія людей поэтъ беретъ на себя. Поэзія для Шевченка не забава и не праздная мечта: она великій даръ, неизсякаемая сила; которой онъ хочетъ вспахать оставшее пепелище и бросить туда сѣмена правды и добра. Шевченку особенно миль образъ поэта-пахаря, проливающаго потъ и кровь на мно-

готрудномъ поприщѣ поэта-пророка. Взваливъ на свои плечи тягчайшее бремя, Шевченко утѣшаетъ себя розовой надеждой:

Може верну знову
Мою правду безталанну,
Мое тихе слово,
Може викую я з його
До старого плуга
Новий леміш і чересло
І в тяжкі упруги
Може з'орю переліг той,
А на перелозі
Я посію мої сльози,
Мої ширі сльози;
Може зйдуть і виростуть
Ножі обоюдні,
Розпанахають погане,
Гниле серце, трудне,
І вицдіять сукровату,
І наллють живої
Козацької тії крові,
Чистої, святої...

Тяжесть работы усиливаетъ энергію поэта и крѣпнеть его надежда на будущіе всходы:

Орися же ти, моя ниво, Долом та горою,	Розвернися ж на всі боки, Ниво-десятино!
Та засійся, чорна ниво, Водею ясною!..	Та посійся не словами, А розумом, ниво!
Орися ж ти, развернися, Подем розстелися,	Вийдуть люде жито жати — Веселіі жнива!..
Та посійся добрим житом, Долею полийся!	Розвернись же, розстелися ж, Убогая ниво!..

Теперь, куда ни глянетъ поэтъ, всюду пылаетъ кровавое зарево земного ада; адское пламя требуетъ все новыхъ и новыхъ жертвъ. Теперь всюду „течуть ріки, кровавіі ріки“; но настанетъ время, и на остывшемъ пепелищѣ снова зазеленѣетъ тѣнистый садъ, гдѣ будетъ произрастать лишь древо познанія добра и правды.

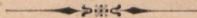
Темна ночь, но близокъ день; и вмѣстѣ съ поэтомъ
будемъ исповѣдываться передъ Богомъ:

Ми віруем Твоій силі
І духу живому:
Встане правда, встане воля,
І Тобі одному
Поклоняться всі язики
Во віки і віки...

Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ перестало биться „налите добромъ сердце“ поэта; пятьдесятъ лѣтъ прошло, какъ его чистая рука перестала разбрасывать сѣмена любви и правды на вспаханной имъ „ниві-десятині“. Устремляя свой вдохновенный взоръ въ будущее, Шевченко прозрѣвалъ свѣтлыя контуры грядущей „вольной нової семьї“ и объ одномъ проситъ членовъ ея—вспомнить его тамъ „не злимъ тихимъ словом“. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ для насъ эти контуры стали болѣе ясными и осязательными. И я счастливъ, что въ пятидесятилѣтіе кончины великаго украинскаго поэта Тараса Григоровича Шевченка на мою долю выпала высокая честь: въ тѣсномъ кругу „нової вольной семьї“ русскихъ и украинскихъ студентовъ помянуть его, по необходимости длиннымъ, зато, надѣюсь, „не злимъ тихимъ словом“.

Варшава, 1911 года.

Кириллъ Тихоновичъ.

Украинское	„и“	читается	какъ	„ы“
„	„і“	„	„	„и“
„	„ї“	„	„	„йи“
„	„е“	„	„	„е“ твердое (рекордъ)
„	„є“	„	„	„е“ мягкое (поле).

Значеніе наиболѣе непонятныхъ украинскихъ словъ въ цитированныхъ отрывкахъ.

- Аби—лишь-бы, чтобы.
Аби-який—какой-нибудь.
Аркуш—листъ бумаги, жести.
Байдѣк — родъ большого рѣчного судна.
Байдужий,—безразличный, равнодушный.
Байрѣк — лѣсокъ въ оврагѣ; мундштукъ при уздечкѣ.
Байстрик—вибравный ребенокъ.
Бач—смотри; бач-ся—кажется.
Бачити—смотрѣть, видѣть.
Бідкувати (ся) — печаловаться о комъ, о чемъ.
Благѣти—просить, умолять.
Блаkitний—голубой, лазурный.
Блукѣти—блуждать, ходить безъ цѣли.
Бодѣй—дай Богъ; о если-бы. *Бодай тебе, бодай вас!* (Употребляется въ видѣ добродушнаго неодобренія, порицанія).
Боронити — 1) оборонять, защищать, 2) запрещать, 3) бороновать.
Будувати—строить, сооружать.
Бунчук—одинъ изъ знаковъ гетманскаго достоинства: древко съ металлическимъ яблокомъ на концѣ, подъ которымъ свѣшивался лошадиннй хвостъ.
Варт, вѣртий—стоѣющій, стоить.
Вбѣратись—одѣваться.
Везерунок—виньетка, украшеніе.
Вельмѣжний—могущественный.
Верболіз—раст. *salix caragasa*.
Вернути (ся)—возвратить (ся).
Весілля—свадьба.
Вечѣря (ти)—ужин (ать).
Виглядати — высматривать, ожидать.
Вигравѣти, — ваю, еш, є, 1) выигрывать, 2) переливать свѣтомъ, блестятъ, 3) играть, 4) о морѣ: волноваться, 5) гарцовать (на).
Вимовляти—выговаривать, произносить.
Виринѣти—вынырять.
Витрѣчѣти—витрѣцити, 1) вытаращивать, вытаращить, 2) выставлять, выставить обнаженную часть тѣла.
Вірши—стихи.
Вітати—1) привѣтствовать, 2) принимать (гостей), 3) приглашать,
- 4) заходить, 5) витать, посылать.
Віта, ти—вѣтвь, ви.
Вѣко—вѣчі—глазъ, глаза.
Вѣрог—врагъ.
Гѣдка—мысль, думка.
Гай—роща, небольшой лѣсъ.
Гѣлич—гажки, грачи.
Гѣрний—хорошій, красивый, пригожій.
Геть—1) вонъ, 2) далеко.
Гирло и гѣрло—одно изъ устьевъ рѣки.
Гѣршій—худшій.
Глядѣти—смотрѣть.
Гнучкий—гибкій.
Година—часъ, время.
Горѣд—огородъ.
Громада—общество, собраніе.
Дбѣти—1) радѣть, стараться, заботиться, 2) обращать вниманіе и 3) пріобрѣтать.
Дивитись—смотрѣть.
Дѣбре—хорошо.
Добрѣдій—господинъ.
Домовина—гробъ.
Досі—до сихъ поръ.
Дрѣбний—мелкій.
Дружина—супругъ, супруга.
Жид — въ украинскомъ языкѣ употребляется вмѣсто отсутствующаго слова „еврей“.
Журитись—скорбѣть, тосковать.
Забажѣти—захотѣть.
Завѣщо—за что.
Загѣрбати—захватить, забрать, закопать.
Зѣздрий—завистливый.
Заквѣтчаний — увѣнчанный, украшенный цвѣтами.
Затѣго—вотъ-вотъ, того и гляди.
Задлятого—ради, для, поэтому.
Заплюшити—закрѣть (глаза).
Заподѣяти—сдѣлать, причинить.
Заховѣти—спрятать, похоронить.
Звертѣти — поворачивать, сворачивать; — *увагу*—обращать вниманіе.
Згадѣти—вспомнить.
Здѣтись—пригодиться, сдаться.
Здивувѣти—удивить.
Зірка—звѣзда.
Змѣлку—съ малолѣтства.
Зиеважѣти—оскорблять.
Николи—по временамъ.

- Іноді—иногда.
 Казати—говорить.
 Кайдани—оковы, кандалы.
 Каплиця—часовня.
 Кічка—утка; качата—утята; качур—селезень.
 Квітка—цвіток.
 Кішка (кичка)—кошка.
 Кожух—овчинный тулупъ, шуба.
 Коло—с. кругъ, колесо; нар. около.
 Комора—кладовья.
 Кохати—любить.
 Криниця—ключъ, родникъ.
 Кубелечко—гиздышко.
 Лан—поле.
 Ледячий—лѣдниковый.
 Ледве—чуть, едва.
 Линути—стремиться.
 Лувя—эхо.
 Люлька—курительная трубка.
 Марний—напрасный.
 Масляк—кость.
 Мерѣжати (жити)—дѣлать ажурные узоры; исписывать.
 Мов—будто.
 Мова—языкъ, рѣчь.
 Мордувати—истязать.
 Москаль—великороссъ; солдатъ.
 Мрія (ти)—мечта (ть).
 Мурувати—строить изъ камня.
 Мусити—быть вынуждену.
 Надто—черезчуръ.
 Наймичка—(женская) прислуга.
 Нащо—зачѣмъ.
 Недоблюдок—недостойный имени чловѣка.
 Немá (є)—нѣтъ (у).
 Ненáче—какъ будто!
 Нехáй—пусть.
 Нишком—тихонько.
 Ніби—будто.
 Нудьга—тоска; нудити—тосковать.
 Оди́ко—одинаково, равно.
 Одпочити—отдохнуть.
 Оддурáтись—отречься.
 Ослі́н (осло́н)—продолговатая скамья.
 Оттоді́ (то)—вотъ тогда (то).
 Оттакій—вотъ такой.
 Пазурі—когти.
 Палáти (гл.)—пылать; (сущ.) палаты.
 Папі́р—бумага.
 Патняки—туфли.
 Пékло—адъ.
 Пеленá—подоль (рубахи).
 Перелі́г—нѣсколько лѣтъ необрабатываемая земля.
 Перелякáти—испугать.
 Питáти—спрашивать.
 Пи́шатись—гордиться, красоваться.
 Пі́жмурки—родъ игры: жмурки.
 Пóкретка—дѣвушка, родившая ребенка (заимств. отъ обычая замужнихъ женщ. покрывать голову платкомъ).
 Поди́нути—полетѣть.
 Порáда—совѣтъ.
 Працóвати—работать.
 Рáда—совѣтъ; рáдити (сь)—совѣтовать (ся).
 Раді́ти—радоваться.
 Рибáлка—рыбакъ, птица-рыболовъ.
 Рогачі́—ухвать.
 Розважáти—утѣшать, развлекать.
 Розмовляти—разговаривать.
 Рóжа—роза; роже́вий—розовый.
 Руїнувати—разрушать.
 Рута—раст. Ruta graveolens.
 Сага́—заливъ рѣчной.
 Самоти́вá—одиночество.
 Свитина (свита, свитка)—верхняя одежда.
 Сві́тає—разсвѣтаетъ.
 Свято—праздникъ.
 Серде́га—горемыка, бѣдняга.
 Скаже́ний—бѣшеный.
 Скорóдити—бороновать.
 Скрі́зь—вездѣ.
 Ставник—церковный подсвѣчникъ.
 Сумува́ти—тосковать, грустить.
 Та́лі́н—счастье.
 Тре́ба—надо.
 Тро́хи—немного.
 Упру́г (а)—мѣра поверху; пахоть, вспаханная одной упряжкой воловъ.
 Хви́ля—волна.
 Хі́лится—клониться.
 Хлю́паться—брызкаться, плескаться.
 Хмі́ра—туча.
 Хо́дá—шагъ, поступь.
 Чарі́вниця—волшебница.
 Черво́ний—красный.
 Чересло́—въ плугѣ ножъ, рѣзецъ.
 Чи—или, ли.
 Шинóк—корыча, кабакъ.
 Ширя́ти—рыскать.
 Шкандиба́ти—хромать; идти съ трудомъ.
 Шля́х—дорога.
 Шукáти—искать.
 Щи́рий—искренний.
 Що́—что.
 Ялина—ель; соб. им.
 Янгол—ангелъ.
 Яр—долина, оврагъ.

Важнѣшія опечатки.

Страница	строка	напечатано	надо
4	2	сверху мойему... нічого	мойому... нічого
"	3	" него	нього
"	13	снизу гуляе	гуляє
5	2	сверху колоссальной	колоссальной
"	1	снизу ошэть	поэть
6	10	сверху влажныя	влажные
9	5	" года	годи
"	13	" богатому	багатому
10	2	" сво	свою
11	15	" вдокновеніе	вдохновение
"	13	снизу Божее	Божее
12	17	сверху поэтова	поетова
13	13	снизу избрать	ізбрати
14	8	" художественнаго	художественнаго
15	10	" священной	священной
"	5	" вѣка	свѣта
16	7	сверху творческой	творческой
18	22	" напрымѣрь, картина	напрымѣрь картина,
19	13	" художественнаго	художественнаго
"	6	снизу эти	эту
20	12	сверху адекватно	адекватное
"	15	" широкий	широкий
"	16	" вишневий	вишневый
21 4,9 и 11	11	снизу сміється, гуляє, повіе	сміється, гуляє, повіе
22	15	сверху козакъ	козак
"	16	" цілує, вітає	цілує, вітає
"	5	" двое	двое
"	10	" благаєм	благаем
23	13	" ослони	ослоні
"	18	" реальности	реальности
"	14	снизу кустиночка	хустиночка
"	11	" якъ	як
"	15	" Покатили	Покотили
"	1	" Цишла	Пішла
24	6	сверху Похожае	Похожає
"	4	снизу взлѣтать	взлетѣть
25	1	сверху запрожцевъ	запорожцевъ
"	4	снизу Дніпром	Дніпром
26 5,6 и 8	8	сверху встає подає дає	встає подає дає
"	10	" діточекъ своїх	діточокъ своїх

Страница	строка	напечатано	надо
27	22, 20,	впливає... пишається...	впливає... пишається...
	18, 17	снизу розмовляє... пишається...	розмовляє... пишається...
		молодіє	молодіє
"	7 и 9	" безъ... надъ	без... над
"	10	" водъ	вода
"	4	" похлюся	похилюся
28	5	сверху співають	співають
30	17	снизу магіческомъ	магіческимъ
31	15, 10,	одягає... дивується..	одягає... дивується..
	4 и 3	" сповіє... гобою	сповіє... габою
32	11	" счастьємъ	счастьємъ
"	2	" рясні	рясні
36	17	" Анджелло	Анджело
49	8	сверху Годіть	Годіть
50	3	" Часа	часу
"	6	" своєю	своєю
51	9	снизу українской	українського
59	15	" Въ	В
61	15	" нечєго	нечого
62	4	" сяченим	св'яченим
64	18	сверху ставитъ	ставитъ

Приймається передплата

на 1911—1912 шкільний рік

на український педагогічний журнал

„СВІТЛО“

другий рік видання

Журнал призначається для сем'ї і школи і виходить раз на місяць (всього 9 книжок, кожна розм. од 5 до 6 аркушів) по такій програмі:

- 1) Статті що до теорії виховання і народньої освіти.
- 2) Ознайомлення з усякими питаннями виховання і практичне пристосування їх до шкільного й семейового життя.
- 3) Значіння художнього розвитку в справі виховання і освіти.
- 4) Сьогочасне становище народньої освіти, школи і народнього учительства на Україні.
- 5) Хроніка діяльності всяких просвітніх, педагогічних і наукових товариств.
- 6) Огляди педагогічних російських і закордонних журналів.
- 7) Твори красного письменства.
- 8) Бібліографія.

Журнал „Світло“ виходить з сентября.

Передплата на рік 4 карб. На пів року 2 карб. 50 коп. Виплачувати можна частками по 2 карб. на 1-ше сентября і на 1-ше января.

Передплата приймається в конторі „СВІТЛА“ у Ніїві,
В.-Володимирська 93.

Редантор-Видавець Л. ШЕРСТЮН.

Приймається передплата на 1912 рік на українську народню ілюстровану газету

Другий РІК == „ЗАСІВ” == Другий РІК ==
==== видання „ЗАСІВ” ==== видання

Ціна на рік 3 р., на пів року 1 р. 60 к., на 3 місяці 85 к.

Хто виписе ЗАСІВ за цілий рік, той дістане всі № № починаючи з першого, а так само дурно додаток: Повний збірник творів Івана Котляревського в 3 томах. Сюди увійдуть: Енеїда, Наталка Полтавка, Москаль Чарівник і Ода до Князя Куракіна.

Крім того буде уміщено біографію Ів. Котляревського.

Адреса: Київ, Велика Володимирська № 28.

Редакція газети „ЗАСІВ“.

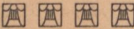
ЗАСІВ призначається головним чином для хліборобів і робітників; ЗАСІВ виходить що тижня в п'ятницю; ЗАСІВ подає статті й новини про сучасне життя на Україні в Росії і за кордоном, з української і всесвітньої історії і письменства, артистичної творчості, з наук природних, лікарських, з сільського господарства, кооперації, техніки, гігієни, медицини, а також вірші, оповідання, ілюстрації при статтях і осібі. ЗАСІВ містить дописи з сел і міст, звертаючи особливу увагу на рух освітній і економічний на селі, про вистави, лекції, вечірки, заведення бібліотек, спілкових крамниць, позичкових і сільсько-господарських товариств, професійних спілок між робітниками (на ці теми особливо бажані кореспонденції). ЗАСІВ дає відповіді на запитання передплатників, а також поради спеціалістів господарські, юридичні й лікарські, в справах економічних і просвітніх.

ПЕРЕДПЛАТУ ПРИЙМАЄ: Книгарня „Літературно-Наукового Вістника“ у Києві, Велика Володимирська № 28.

Редактор-видавець **О. Степаненко.**

Пробні числа висилаються дурно.

ІСТОРІЯ УКРАЇНИ

 проф. Михайла Грушевського
Популярна, гарно видана, багато ілюстрована (400 ілюстрацій, знімків, портретів), багато карт і планів. Ціна без пересилки в оправі 2 р. 60 к., за пересилку прирахов. 45 к., а накладн. платою 55 к. Висилає належн. платою Книгарня Літературно-Наукового Вістника, Київ, В-Володимирська, 28.

ОТКРЫТА ПОДПИСНА на 1912 годъ
на новый ежемѣсячный журналъ

„Украинская Жизнь“.

Широкіе круги общества, не только великорусскаго, но въ значительной мѣрѣ и украинскаго, до сихъ поръ проявляютъ крайне недостаточное знакомство съ жизнью 30-милліоннаго украинскаго народа, съ его запросами и нуждами, съ ростомъ его національнаго самосознанія. Въ этой области все еще царитъ путаница недѣльных, а нерѣдко и вредныхъ предрасудковъ, которые крайне неблагоприятно отражаются на отношеніи къ украинскому національному вопросу даже представителей передовой интеллигенціи. Борьба съ этими предрасудками, разоблаченіе инсинуацій, которыми стремятся скомпрометировать украинское національное движеніе представители современной реакціи, широкое и непристрастное освѣщеніе интересовъ и потребностей украинскаго народа въ области культурно-общественной и политической, опредѣленіе того мѣста, которое по справедливости должно принадлежать ему среди народовъ Россіи, и выясненіе тѣхъ путей, по которымъ должно быть направлено національное его самоопредѣленіе въ интересахъ полноты развитія его богатыхъ силъ и въ атмосферѣ мирнаго сожителства съ другими народностями,—вотъ чему будетъ по мѣрѣ силъ служить новый журналъ.

Въ какой степени удастся выполнить эту трудную, но уже давно самою жизнью поставленную на очередь задачу—будетъ зависеть не только отъ личныхъ усилій редакціи, но и отъ той поддержки, которую она разсчитываетъ встрѣтить со стороны своихъ читателей.

„Украинская Жизнь“ будетъ выходить на русскомъ языкѣ въ обычномъ форматѣ ежемѣсячныхъ журналовъ книжками размѣромъ 5—6 печатныхъ листовъ.

Программа журнала: Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ. Обзоръ событій текущей жизни на Украинѣ. Сужденія печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросе. Письма изъ Россійской Украины и изъ Галиціи. Критическія статьи и литературныя обзорнія; библиографія. Украинское искусство. Разныя извѣстія и замѣтки. Отвѣты редакціи на вопросы читателей, относящіеся къ программѣ журнала.

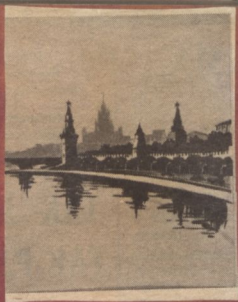
Полный списокъ сотрудниковъ напечатанъ въ январской книжкѣ „Украинской Жизни“.

Подписка принимается въ конторѣ „Украинской Жизни“: Москва, Б. Дмитровка 14 кв. 1.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 5 руб., на полгода 2 р. 50 к., на четверть года 1 р. 25 к., съ доставкой и пересылкою. Отдѣльная книжка безъ пересылки 45 к., съ пересылкою 55 к. За границу 1 г. — 7 р., $\frac{1}{2}$ г. 3 р. 50.

Для народныхъ учителей и сельскаго духовенства, а также для учащихся, рабочихъ, крестьянъ и младшаго земск. медицинск. персонала допускается, при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, льготная подписка: на годъ 4 р., на полгода 2 р., на 3 мѣс. 1 р. съ доставкой и пересылкою.

Издатель и отвѣт. редакторъ Я. А. Шеремецинскій.

Цѣна 35 коп.